

Чтобы покончить съ легендами, связанными съ этой мечетью, приведу еще легенду, слышанную мною въ городѣ Натанзѣ. Въ этомъ городѣ показываютъ минаретъ при Зіаретѣ Фарзендѣ Муса Ибнѣ Джафарѣ, доминирующій надъ городомъ (самъ Зіаретъ въ развалинахъ и минаретъ сильно попорченъ). Про этотъ минаретъ рассказываютъ, что онъ выстроенъ тѣмъ же мастеромъ, который, строилъ два минарета іездской Месджидъ Джум'а.

Когда онъ окончилъ свою работу въ Іездѣ, то жители города были восхищены его произведеніемъ и, желая остаться единственными обладателями такого шедевра, рѣшили лишить мастера возможности строить подобныя вещи, а посему отрубили ему правую руку. Но онъ, не смотря на это, отправился въ Натанзѣ и тамъ выстроилъ упомянутый выше минаретъ одной лѣвой рукой.

Дѣйствительно, надо сказать, что эти минареты являются наиболѣе эффектной и характерной чертой города; они видны отовсюду и доминируютъ надъ всѣмъ городомъ.

Но чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, надо глядѣть на нихъ или вблизи, или же извнѣ города. Вблизи нельзя не удивляться искусству мастера, сумѣвшаго поставить массивныя башни насравнительно тонкомъ основаніи на воротахъ. Издали же минареты вмѣстѣ съ воротами, выдвигаются изъ-за другихъ зданій и поражаютъ своей легкостью и стройностью *).

Но со словами Баумгартена (стр. 133), что минареты представляютъ изъ себя „рѣдкій образчикъ зодчества и искусства по „красотѣ и богатству цвѣтного изразца, которымъ они покрыты „отъ основанія до вершины“ согласиться нельзя. Напротивъ, преобладающій цвѣтъ минаретовъ, равно какъ и купола, сѣро-желтый цвѣтъ кирпича.

Изразцовый узоръ изъ бѣлыхъ, голубыхъ и синихъ кирпичей скорѣе бѣденъ; съ С. В. стороны облицовка минаретовъ почти вся искрошилась и рисунокъ сохранился лишь на другой поверхности минаретовъ, обращенной къ двору мечети. Внизу минаретовъ сохранились еще остатки куфическихъ надписей: на южномъ (съ обломаннымъ верхомъ), на сѣверномъ (съ цѣльной вершиной).

Ворота, на которыхъ стоятъ минареты, также украшены изразцовой мозаикой, но она сильно попорчена временемъ.

*) Немного странно, что С. М. Mac Gregor (Narrative of a journey through the province of Khorassan etc. etc. in 1875) далъ видъ „Yuzd from the Bagh-y-Dowlut“, видъ ничего характернаго для Іезда не представляющій, въ то время какъ минареты Джум'а невольно бросаются въ глаза.

Но что действительно производит чудное впечатлѣніе, это внутренность мечети, которая сохранилась прекрасно, такъ что слова Curzon'a (II. 240) — „the main structure is a ruin“ — для меня совершенно непонятны.

Правда, куполь также сильно попорченъ, изразцы повыкрошились, снаружи мечеть окружена базарами и производит довольно грустное впечатлѣніе, но стоитъ осмотрѣть внутренность, чтобы впечатлѣніе измѣнилось.

Длинникъ двора идетъ на ЮЮЗ, какъ у всѣхъ мечетей вообще.

Входъ черезъ ворота, увѣнчанныя минаретами, находится съ ВЮВ стороны двора, на одной изъ его длинныхъ сторонъ и, слѣдовательно, не напротивъ входа въ самую мечеть, а сбоку. Сами ворота ведутъ со двора мечети на базаръ, имѣя въпереди себя маленькій дворикъ съ деревомъ, бассейномъ и двумя мраморными тумбами, покрытыми надписями.

Другой входъ во дворъ мечети находится на ССВ сторонѣ; дворъ не представляетъ ничего особеннаго, не имѣетъ никакихъ украшеній, только посрединѣ его находится широкая, слегка возвышенная платформа.

Арка, ведущая, въ самую мечеть, въ противоположность другимъ мечетямъ, открывается въ мечеть всѣмъ своимъ просвѣтомъ. По сторонамъ мечети, снутри, идутъ столбы, поддерживающіе хоры (для женщинъ). Вся внутренность мечети сплошь покрыта изразцами—великолѣпнымъ образчикомъ мозаичной керамики, гдѣ каждая буква, каждый лепестокъ цвѣтка состоитъ изъ отдѣльнаго кирпичика, вкрапленнаго въ стѣну. Фонъ насыщенно синяго цвѣта, тогда какъ буквы и цвѣты бѣлаго и желтаго цвѣта. Керамику того же типа и выполненія можно видѣть на частномъ домѣ въ кв. Базаръ-и-Ноу (875 г. Гиджры) и на развалинахъ позади площади Мейдане Шахъ (896 г. Гиджры).

Мозаика Месджидъ Джум'э даты, сколько я могъ разобратъ, не имѣетъ. Говорятъ, что она датирована 730 г. Гиджры и что это шестая по счету облицовка.

Къ востоку отъ Месджидъ-Джумэ находится Зіаретъ Миръ Рукнэддинъ. Повидимому, это то же, что Ханыковъ называетъ „soudole dite Vakht-e-Saat“, такъ какъ въблизи расположенъ небольшой базарчикъ Вагтъ-е-Саатъ.

Говорятъ, что этотъ Зіаретъ имѣетъ дату 457 г. Гиджры, но самъ я этой даты не видѣлъ. Затѣмъ говорятъ, что въ немъ погребенъ суннитъ и что, якобы, въ Зіаретѣ можно видѣть камень (я его розыскать не могъ), на которомъ написано проклятіе

(ляна́тъ) тому, кто осмѣлится хоронить здѣсь другихъ лицъ или устраивать вблизи Хусейніа.

Снаружи Зіаретъ сильно попорченъ, отъ облицовки купола осталась лишь небольшая часть вверху, но внизу купола идутъ остатки изразцовой надписи, а около входа имѣются остатки лѣпныхъ терракотовыхъ куфическихъ надписей (того же типа, какъ на Зіаретѣ Миръ Шимсэддинъ).

Внутренность Зіарета, и по сіе время служащаго мечетью, заслуживаетъ большаго вниманія. Посрединѣ — надгробіе, окруженное рѣшеткою; низъ стѣнъ обложенъ голубовато-зеленоватыми изразцами съ выпуклыми, довольно уродливыми буквами круглаго шрифта. Стѣны почти сплошь покрыты лѣпной работой, сохранившейся недурно и представляющей хитро-сплетенныя надписи, которыя, какъ увѣряютъ, можно читать съ разныхъ сторонъ. Лѣпныя буквы раскрашены; равнымъ образомъ на стѣнахъ имѣются надписи и рисунки просто красками.

Недалеко отъ этого Зіарета и отъ базарчика Вагъ-е-Саатъ имѣются остатки стѣны съ лѣпными терракотовыми украшеніями въ видѣ вѣтвей и цвѣтовъ.

Абамбаръ у Вагъ-е-Саатъ датированъ 1121 г. Гидржы.

Въ томъ-же кварталѣ Чаръ-Су, въ юго-западной его части, мы видимъ такъ наз. Яхуди-Ханэ или еврейскій Чаръ-Су.

Какъ рассказываютъ, ранѣе евреи жили въ сел. Муриабадъ (испорченное - Маріамбадъ) и въ сел. Ягуби. Признаками ихъ прежняго пребыванія тамъ считаются: 1) мечеть въ сел. Ягуби ориентированная не на ЮЮЗ, какъ всѣ прочія мечети и Зіареты, а немного болѣе къ З, т. е. не на Мекку, а скорѣе на Палестину *); 2) населеніе Муриабада и до сихъ поръ говоритъ съ примѣсью еврейскихъ словъ — „яхудендъ“.

Говорятъ, что при Шахѣ Аббасѣ, евреи въ виду частыхъ грабежей ихъ селъ, получили разрѣшеніе переселиться въ внутренній городъ, за что Муриабадъ перешелъ въ собственность Шаха и сталъ называться „Халисэ“.

Кварталъ Яхуди Ханэ не представляетъ самъ по себѣ почти никакого интереса. Ворота еврейскаго дербенда — самыя простыя ворота, такъ что позволительно думать, что евреямъ не приходится запирались слишкомъ старательно и что въ защитѣ они не нуждаются. Въ Яхуди Ханэ можно видѣть еще особенность

*) Баумгартенъ (стр. 162), при описаніи бѣлуковъ іездской провинціи упоминаетъ, что въ сел. Турунъ-Пуштъ „между развалинами „Шахъ-и-Рус-темъ“ находится мечеть, алтарь которой „построенъ по направленію къ Іерусалиму, а не къ Меккѣ“.

еврейскихъ домовъ: именно, евреи не имѣютъ права строить ни высокихъ заборовъ, ни высокихъ домовъ. Заборъ еврейскаго дома долженъ быть такой высоты, чтобы до его верха можно было достать рукою; такъ какъ заборъ въ сущности составляетъ стѣну дома, то высота дома была-бы незначительна, если-бы указанное правило не обходилось-бы такимъ образомъ, что дома, вкапываются въ землю.

Съ улицы и заборъ и домъ у еврея невысоки, но за то дворъ сильно углубленъ и выстроенный въ такой ямѣ домъ является въ сущности обычной высоты. Но несмотря на это, евреи все-таки живутъ скученно, бѣдно и грязно, насколько можно было судить, заглядывая черезъ заборы въ ихъ дворы и жилища.

Въ Яхуди Ханѣ имѣется также старый Зіаретъ, но настолько заброшенный, что даже имени его не сохранилось, а зовется онъ просто Бук'э, т. е. святое мѣсто.

Куполь снаружи цвѣта глины и также, какъ и куполь Зіарета Миръ Шейхъ Ахмедъ, имѣетъ наверху круговой паранетъ.

Внутренность Бук'э, если не считать остатковъ изразцовой мозаики развалинахъ портала, также очень проста: стѣны просто выбѣлены и только на потолокъ нарисованы красками нѣсколько медаліоновъ. Евреи, показывавшіе мнѣ Бук'э, увѣряли, что въ склепѣ, внизу, стоитъ открытый гробъ, въ коемъ покоится какой-то „хубъ сендъ“, покрытый только саваномъ, причемъ каждая ножка гроба стоитъ въ стеклянномъ сосудѣ. Въ дѣйствительности ихъ словъ я не имѣлъ возможности убѣдиться.

Внѣшній городъ.

Сери Джамъ. Этотъ кварталъ является чуть-ли не самымъ разрушеннымъ и заброшеннымъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кв. Сери Джамъ примыкаетъ къ сѣверному углу внутренняго города, расположены такъ наз. Мешедскія ворота или, вѣрнѣе, ихъ остатки. Впереди ихъ имѣется, платформа, гдѣ располагаются рахдари.

Тутъ находится Зіаретъ Сендъ Гули Сурхъ.

Достопримѣчательностью кв. Сери Джамъ является стоящая одиноко на холмѣ башня—Бурчъ Алаяръ Ханъ.

Особенность ея состоитъ въ томъ, что она, повидимому, въ составъ внѣшней стѣны не входила, ибо на поверхности башни, хорошо сохранившейся и покрытой узорами, а также

на самомъ холмѣ нѣтъ никакихъ намековъ, чтобы сюда примыкали какія-либо стѣны или вообще пристройки.

Въ сосѣднемъ кварт. Шейхъ.-Дадъ есть подобная-же вполне изолированная башня, тоже на холмѣ и уже внѣ всякихъ сомнѣній внутри городской черты и безъ малѣйшей связи со стѣной.

Очевидно, это были сторожевыя башни; съ Бурчъ Алаяръ Ханъ открывается видъ на весь Іездъ и его окрестности. Около этой башни есть надгробіе 1124 г. и 1155 г. Гиджры.

Къ сѣверу отъ нея, за предѣлами городской черты, есть остатки башни, съ разрушенной *Isolt* частью (именно той, которая для нападающихъ могла-бы служить прикрытіемъ)—такъ наз. Бурчъ Авганъ, постройку которой относить къ нашествію авганцевъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Шейхъ Дадъ или вѣрнѣе Шейхъ Задъ ведетъ свое названіе отъ Зіарета Султанъ Шейхзаде Махомедъ. Зіаретъ этотъ, хотя и сохранился, но ни надписей, ни изразцовъ не имѣетъ. Надгробіа въ самомъ Зіаретѣ, по словамъ переводчика, имѣютъ даты 756 г. 893 г. и 987 г. Гиджры.

Около Зіарета имѣется хусейніа, одно изъ самыхъ обширныхъ послѣ площадей Миръ Чакмакъ и Мейдане Шахъ. Но Хусейніа это сильно запущено и, повидимому, мало употребляется въ дѣло. Въ одной изъ нишъ этого Хусейніа вмазана въ стѣну фаянсовая табличка. Дата ея 1027 г. Гиджры.

Въ этомъ кварталѣ развалины меньше, внѣшняя стѣна сохранилась уже достаточно хорошо и даже можно различить мѣстонахождение вор. Шейхъ Дадъ.

Среди развалинъ, которыя находятся между кв. Шейхъ Дадъ и кв. Бульмири, можно видѣть изолированно стоящую на холмѣ башню, подобно башнѣ Алаяръ Ханъ, но названія не имѣющую. Она значительно тоньше и проще, чѣмъ Бурчъ Алаяръ Ханъ, но здѣсь совершенно ясно, что она находится внутри городской черты и въ отдаленіи отъ стѣны внѣшняго города.

Баги Гяндумъ. Этотъ кварталъ уже является того-же типа, какъ вообще центръ города; развалинъ меньше.

Въ одномъ изъ уличныхъ базаровъ этого квартала, недалеко отъ абамбара „Чугуръ“ можно видѣть вмазанный, довольно высоко, въ стѣну камень съ куфическими букавами. По чтенію мѣстныхъ жителей онъ датированъ 782 г. Гиджры.

Недалеко отъ этого камня вмазана въ стѣну и фаянсовая табличка съ надписью. Такихъ табличекъ въ Іездѣ можно видѣть довольно много и въ разныхъ мѣстахъ.

Онѣ величиною съ листъ писчей бумаги, раздѣлены одной продольной и нѣсколькими поперечными линіями на узкія полоски, изъ коихъ каждая содержитъ одну строчку стиха. Линіи и слова писаны синей или черной краской; прифѣтъ круглый. Даты ихъ колеблются отъ 1027 г. до 1106 г. Гиджры. Табличка на базарѣ Баги-Гяндумъ относится къ 1082 г. Гиджры.

Бульмири. Виѣшняя стѣна города и вор. Бульмири сохранились уже довольно хорошо, хотя между стѣной и зданіями немало пустырей и развалинъ.

Въ кв. Бульмири имѣются два медресе: Бульмири и медресе Зири-(Ду—)-Минаръ; послѣднее медресе (съ тѣнистыми деревьями внутри) иными относится къ кв. Мейдане Шахъ.

Изъ памятниковъ въ этомъ кварталѣ я видѣлъ надгробіе сѣраго гранита, длиною около $2\frac{1}{2}$ —3 аршинъ и шириною и высотой около 1 арш. Оно лежало опрокинутымъ; на одной изъ сторонъ можно было видѣть надпись съ датой 984 г. Гиджры.

Сери Плукъ и Леби Хандакъ достопримѣчательностей не представляютъ.

Мейдане Шахъ. Кварталъ этотъ носитъ свое названіе по имени большой площади—Мейдане Шахъ. Площадь эта—типичное Хусейніе, имѣетъ направленіе на ЗСЗТС и имѣетъ длину въ 250 шаговъ (120 шаговъ въ узкой части и 130 шаговъ въ широкой); ширина площади въ узкой части—60 шаговъ, а въ болѣе широкой 90 шаговъ.

Стѣна съ главными айванами (нишами) находится на западной окраинѣ площади, выбѣлена и не особенно искусно размалевана красками; только внизу можно видѣть немного изразцовъ.

Передъ этой стѣной имѣется не колонка, какъ въ прочихъ Хусейніе, а скорѣе цѣлая платформа.

Тотчасъ за сѣвернымъ угломъ площади находятся развалины; судя по стоящей еще характерной колоннѣ, можно думать, что это бывшее Хусейніе; (не это-ли Ханыковъ обозначаетъ подъ № 3 на своемъ планѣ, какъ Такіе или театръ для празднествъ Мохаррема?); на обвалившейся аркѣ можно видѣть остатки прекрасной изразцовой мозаики, датированной 892 г. Гиджры.

Позади этихъ развалинъ, къ западу отъ площади Мейдане Шахъ находится урочище Шейхъ Абдуль Каюмъ; упоминаю объ немъ только для того, чтобы его не смѣшивали съ кв. Шейхъ Абуль Касимъ, расположеннымъ во внутреннемъ городѣ.

Къ югу отъ Мейдане Шахъ находится довольно неказистое съ виду зданіе, на значеніе котораго указываетъ рядъ гандилей, украшающихъ входную арку.

Это Зіареть Имамзаде Джафаръ, единственный Имамзаде Іезда. Здѣсь, какъ говорятъ, погребенъ племянникъ 5-го Имама Джафаръ-Эсъ-Садыка.

У входа въ Зіареть можно видѣть нѣсколько фаянсовыхъ табличекъ, изъ коихъ одна датирована 1106 г. Гиджры.

Недалеко отъ этого Зіарета, охраняемого муллами особенно ревниво (это наилучшій „бэеть“ въ Іездѣ), можно видѣть, на границѣ кварталовъ Чаръ Минаръ и Мусалла, кладбище Тахте-Уста съ абамбаромъ, датированнымъ 1271 г. Гиджры.

Баги Сендэль. Это урочище наполнено только развалинами и хлѣбными полями и показываетъ лучше всего, какъ отступилъ городъ къ востоку, ибо городская стѣна у Баги-Сендэль сохранилась вполне хорошо, но поля уже вторгнулись въ предѣлы городской черты.

Баги Доулетабадъ. Нѣкоторые изъ жителей не причисляютъ этого сада къ городу, но справедливость требуетъ сказать, что стѣна внѣшняго города окружаетъ и Баги Доулетабадъ. Правда, она снаружи скрыта собственной стѣной сада, но все же существуетъ. Снаружи, недалеко отъ воротъ, ведущихъ въ Баги Доулетабадъ и отъ начала сухого русла, расположены остатки башни—Бургъ Авганъ; и здѣсь разрушенной является та часть, которая могла бы служить прикрытіемъ для нападающихъ на городъ. Входъ въ Баги Доулетабадъ находится на западномъ его фасѣ; черезъ ворота, увѣнчанныя балахане, входимъ во дворъ, гдѣ имѣется большой и длинный хоузъ; въ другомъ концѣ двора, болѣе широкомъ, имѣется другой, многоугольный хоузъ съ проточной водой. По сторонамъ этой части двора—казармы, а посрединѣ двухъ-этажное бѣлое зданіе.

Баги Доулетабадъ былъ раньше сильно запущенъ, но при Джелаль-удъ-Доуле, бывшемъ правителемъ въ девяностыхъ годахъ, его привели въ порядокъ.

Въ самомъ саду, находится нѣчто вроде лѣтняго дворца, гдѣ вновь пріѣзжающій правитель принимаетъ встрѣчающихъ его.

Надъ этимъ дворцомъ, надъ шестигранной бѣлой пристройкой, виситъ бадгиръ, который считается въ Іездѣ самымъ высокимъ.

Бадгиръ этотъ пользуется совершенно особой славой: его всегда поминаютъ при извѣстномъ нелегкомъ пожеланіи, которое переводится по русски: „да вселится въ твой животъ—бадгиръ „Доулетабадъ“.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Баги Доулетабадъ примыкаетъ къ кв. Чаръ Минаръ, во входящемъ углу, находятся вор. Доулетабадъ, въ сущности ведущія въ кв. Чаръ Минаръ.

Снаружи у этихъ воротъ стоитъ чапархане. Снутри у воротъ имѣется кладбище *).

Чаръ Минаръ. Здѣсь заслуживаетъ вниманія Зіаретъ Миръ Шемсэддинъ, который по своимъ расписнымъ узорамъ, лѣпнымъ терракотовымъ надписямъ и украшеніямъ подходитъ къ Миръ, Рукнэддину и Девазде Имамъ.

На входной аркѣ вверху идутъ лѣпныя терракотовыя куфическія надписи очень изящной работы; по нимъ, вторымъ рядомъ, идутъ тоже куфическія буквы, но меньшаго размѣра и бѣлаго цвѣта. Лѣпныя узоры, окружающіе надписи, напоминаютъ не ломанныя линіи арабскихъ узоровъ, а скорѣе индійскіе—широкіе листья, вѣтви, цвѣты.

Другая особенность—большіе лѣпные круги на стѣнахъ, съ короткими лучами и раскрашенные желтой краской; невольно хочется видѣть въ нихъ изображеніе солнца.

Въ стѣнахъ дыры; это, какъ говорятъ, результаты попытокъ разыскать замурованный въ стѣну „чархи алмазъ“, т. е. колесо или кругъ.

Легенда про „чархи алмазъ“ приурочивается и къ другимъ мѣстамъ. Напр. рассказываютъ, что сассанидскій царь Фирузъ, видя приближеніе арабовъ, спряталъ всѣ свои сокровища вблизи Фирузабада, въ подземныхъ пещерахъ, гдѣ протекала рѣка, а чтобы никто ихъ не тронулъ, онъ поставилъ надъ сокровищами чархъ алмазъ, убивавшій каждого, кто осмѣливался къ нему приблизиться.

Подобный же чархи алмазъ находился, якобы, и въ Зіаретѣ Миръ Шемсэддинъ, но такъ какъ онъ убивалъ неосторожныхъ, то его замуровали въ стѣну.

Тутъ-же указываютъ на дыру въ центрѣ купола и рассказываютъ, что тамъ былъ вдѣланъ ящикъ съ драгоценностями, но что англичане увезли этотъ ящикъ (ср. у Жуковского, *ор. с.*, стр. 125).

Около Миръ Шемсэдина имѣются надгробія, по словамъ переводчика, относящіяся къ XIII-му и къ XVII столѣтіямъ нашей эры.

Недалеко отъ Миръ Шемсэдина находятся развалины такъ наз. Мультакѣ; это—остатки арки и нѣчто вродѣ айвана, украшеннаго изразцовой мозаикой; передъ развалинами небольшой хоузъ.

*) Недалеко вор. Доулетабадъ, къ югу отъ нихъ, черезъ сухое русло перекинутъ каменный, въ одну арку, мостъ, ведущій изъ Куча Біокъ въ кв. Чаръ Минаръ.

Далѣе къ сѣверу, въ болѣе заброшенной части квартала, находится сильно размытый дождемъ и запущенный окончательно Зіаретъ Сеидъ Абу Зердабъ. Говорятъ, что это одинъ изъ 4 братьевъ погребенныхъ въ этихъ мѣстахъ. Имена еще двухъ братьевъ мнѣ называли: Сеидъ Джалаль Эдинъ и Сеидъ Сахра; имя 4-го брата забыто. Надгробія ихъ исчезли совсѣмъ.

Хусейніа, находящееся тутъ-же и имѣющее передъ собою постройку вродѣ высокихъ воротъ, называется уже по имени урочища—Куча Бундэ.

Гоудале Мусалла. Въ этомъ кварталѣ можно видѣть наилучше сохранившуюся часть стѣны вѣшняго города, тянущуюся вдоль сухого русла. У вор. Мусалла имѣется Зіаретъ Мусалла и-Ноу или Имамзаде Тазэ. Зіаретъ этотъ ничего особеннаго не представляетъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Зіаретъ, видѣли по почамъ огонекъ. Произведенныя на этомъ мѣстѣ раскопки привели къ могилѣ, которую муллы признали за могилу какого-то святаго сеида, почему здѣсь и соорудили Зіаретъ.

Если идти отъ воротъ по направленію къ Имамзаде Джафаръ, то на пути мы встрѣчаемъ безымянный Зіаретъ съ куполомъ, сплошь обложеннымъ синими, голубыми и бѣлыми изразцами. Рисунокъ изображаетъ звѣзды; рядомъ съ Зіаретомъ находится Хусейніа, на стѣнѣ котораго высѣты 4 колонки, также облицованныя изразцами; Хусейніа называется Хусейніа Мусалла.

Пуште Багъ. Здѣсь стѣна вѣшняго города отчасти попорчена (около яхчаловъ—ледниковъ), отчасти скрыта пристройками. Меньшая пристройка, съ надписью: „мулла Урмехдіаръ Ардеширъ Куча Біоки Амелэ Мехрибанъ 1266“, находится къ западу отъ воротъ Пуште Багъ. Около этой пристройки можно видѣть сифонъ, пропускающій воду подъ русломъ. Это два вертикальных колодца, соединенныхъ подъ дномъ русла поперечной трубой. Арыкъ, идущій изъ Сери-Ду-Ра, вливается въ одинъ изъ колодцевъ, на другой сторонѣ вода выступаетъ изъ другого колодца и течетъ далѣе по арыку. Снаружи это сооруженіе имѣетъ видъ двухъ быковъ моста, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ русла.

Вторая, большая пристройка, къ Ю. В. отъ воротъ, занята больше садами.

Стѣна вѣшняго города, идущая съ этой пристройки къ вор. Куду Ференгъ, стоитъ на пластѣ глины, сильно подрытомъ и возвышающемся на 1—1½ саж. надъ уровнемъ расположенныхъ здѣсь полей, почему мѣстность, занятая этими полями называется Гаудаль.

Часть квартала, расположенная вдоль этой части стѣны полна развалинъ.

Изъ примѣчательностей этого квартала можно отмѣтить развѣ только бадгиръ, имѣющій несовсѣмъ обычную форму, именно, имѣющій сверху не большую пристройку; и затѣмъ еще Хусейніа Сабать. Это Хусейніа невелико, но зато сплошь убрано изразцами. Изразцы новѣйшаго изготавленія.

Можно еще упомянуть, что, идя отъ воротъ Пуште Багъ по одной и той же улицѣ, можно прямо выйти къ базару Тебризунъ.

Сахне Али. Этотъ кварталъ у Баумгартена, повидимому, соответствуетъ кварталамъ Тебризунъ и Миръ Чакмакъ, что зависить отъ того, въ какой части квартала освѣдомляешься объ его названіи.

Здѣсь можно отмѣтить Зіаретъ Сахне Али, выдѣляющійся среди зданій своимъ песчаножелтымъ куполомъ и имѣющій на воротахъ дату 1287 г. Гиджры.

Ворота Куду Ференгъ, скрытыя во входящемъ углу городской стѣны, хотя снаружи и непримѣтны, но тѣмъ не менѣе имѣютъ большое значеніе, ибо тутъ гнѣздятся таможенные рахдари; караваны, идущіе на югъ, выходятъ изъ города черезъ вор. Куду Ференгъ, хотя иногда, казалось-бы, имъ ближе было-бы идти черезъ другія ворота.

Мѣстность около воротъ Куду Ференгъ носитъ названіе Деххокъ. Здѣсь, равно какъ и у Шешбадгира, расположены публичные дома. Проституція существуетъ, не взирая на легкость заключенія брака на срокъ (сигэ) и на дешевизну стоимости такого временнаго брака: въ 1897 г. 30 лѣтняя „сигэ“ стоила 10 тумановъ въ мѣсяць, а въ 1898 г. цѣна такъ упала, что, какъ говорили въ шутку, жену можно имѣть „за $\frac{1}{2}$ мискаля серебра и за 12 дирхамовъ соли“.

Миръ Чакмакъ. Хотя мнѣ и не называли отдѣльнаго квартала этого имени, но площадь и мечеть Миръ Чакмакъ заслуживаютъ отдѣльнаго описанія.

Площадь Миръ Чакмакъ въ настоящемъ его видѣ отчасти Хусейніа (въ восточной ея части), отчасти базарная площадь—въ западной части. Стѣна Хусейніа съ айванами и двумя короткими башнями изъ жженого кирпича, сравнительно недавняго происхожденія; она была построена Садръ-уль-Шерифомъ около 30 лѣтъ назадъ. До этого здѣсь было кладбище (и теперь можно видѣть вмазанную въ стѣну плиту съ датой 1102 г. Гиджры). Средніе айваны облицованы изразцомъ и, по словамъ перевод-

чика, надписъ гласить, что изразцовая работа выполнена въ 1296 г. Гиджры двумя мастерами, іездскимъ и кирманскимъ, и притомъ выполнена даромъ.

Въ противоположность площади Мейдане Шахъ, наиболѣе широкая часть площади и стѣна съ айванами здѣсь находится въ восточной части площади.

На южной части площади высится бѣлый порталъ очень простаго устройства, служащій входомъ въ мечеть Миръ Чакмакъ. Сама мечеть окружена заборомъ и забраться въ нее мѣ не удалось. Изъ за забора видны только сплошь зеленый куполъ мечети и въ сторонѣ (къ востоку) бесѣдка „гульдестъ“, откуда выкликають азанъ.

Относительно мечети Миръ Чакмакъ могу привести слѣдующую легенду: на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мечеть, были раньше развалины, пользовавшіяся очень дурной славой; каждый, кто рисковалъ почевать тамъ, къ утру оказывался задушеннымъ. Однажды какой-то паломникъ, шедшій въ Мешедъ, не смотря на предупрежденія, расположился тамъ на ночлегъ, но все-таки принялъ мѣры предосторожности, устроивъ въ одномъ углу постель, онъ самъ засѣлъ въ другой уголъ и сталъ ждать. Ночью изъ развалины вылѣзъ огромный змѣй и бросился на постель, чтобы задушить спящаго. Но, увидѣвъ свою ошибку, онъ сталъ искать полонника, послѣдній, однако, успѣлъ приготовиться и встрѣтилъ змѣя, держа въ обѣихъ рукахъ горизонтально большой ножъ, лезвіемъ отъ себя. Змѣй, бросившійся на него съ разинутой пастью, угодили ею какъ разъ на ножъ и, подъ вліяніемъ своего собственнаго натиска, разрѣзался по всей длинѣ и издохъ. Понятно, что паломникъ нашелъ въ развалинахъ массу денегъ, но деньги эти онъ пожертвовалъ на постройку мечети, самъ двинулся далѣе, къ цѣли паломничества.

Центральный базаръ.

Этотъ базаръ, по своей величинѣ и сложности, заслуживаетъ также отдѣльнаго описанія.

По высотѣ сводовъ и по ширинѣ этотъ базаръ уступаетъ Ширазскому базару Векиль и даже Исфаганскому, а скорѣе подходит къ Тегеранскому базару, конечно, не въ лучшихъ частяхъ послѣдняго.

Съ площади Миръ Чакмакъ, гдѣ въ болѣе узкой части ея, подъ навѣсами, уже ютятся лавочки, мы входимъ въ довольно узкій и грязный базаръ Мирза Мамедъ Али Ханъ, который, пе-

реламываясь вправо, доходить до каравансарая: Ханъ (старый) и Тимчэ Хаджи Сеидъ Али Акберъ.

Отсюда базаръ, на протяженіи 130 шаговъ, носитъ названіе базара Мусалла, по имени примыкающаго къ нему медресе Мусалла. Это медресе представляетъ изъ себя площадь въ 140×112 шаговъ, вымощенную шестиугольными плитами и окруженную рядомъ комнатъ. Посрединѣ двора, второй, углубленный дворикъ, засаженный деревьями и имѣющій арыкъ съ проточной водой.

Внизу, вокругъ дворика, также расположены комнаты, а одна ниша, выложенная изразцомъ, служитъ какъ-бы мехрабомъ мечети.

Медресе Мусала, выстроенное прѣзжимъ, по имени Сефтеръ-Ханъ, отличается отъ прочихъ медресе Іезда своими размѣрами и стоящимъ на дворѣ сооруженіемъ, вродѣ каменной бесѣдки.

Противъ входа въ это медресе, отходитъ вѣтвь базара, также называемая базаръ Мусалла. Оставляя ее пока въ сторонѣ и идя по первоначальному направленію, подходимъ къ двумъ каравансараямъ—Ширазі малому и Ширази большому. Въ этомъ мѣстѣ, на протяженіи около 70 шаговъ, базаръ носитъ названіе: базаръ Дерн Каравансарай Ширази.

Далѣе базаръ, все идущій по прежнему направленію, называется базаръ Пянджа Али и заканчивается у крытой площадки Пянджа Али. На базаръ Пянджа Али открывается справа входъ въ каравансарай Вâли (складъ торговаго дома Ziegler & Co) и затѣмъ входъ въ широкій и болѣе свѣтлый базаръ Ханъ; влѣво открываются входы въ маленькіе базарчики Джафаръ Ханъ и Алагэ-Бенді.

Если описанный уже базаръ посиль, по составу своихъ лавокъ, самый пестрый характеръ, то на базарѣ Ханъ, мы видимъ уже подраздѣленія на спеціальныя лавки. Вѣтвь базара Ханъ, идущая на ССВ, занята почти сплошь лавками, торгующими разными матеріалами.

Минуя справа второй входъ въ каравансарай Вâли и находящееся на той-же сторонѣ медресе Абдулъ Рахимъ Ханъ подходимъ къ входу въ каравансарай Пянджа Али (влѣво), противъ котораго, почти на востокъ, отходитъ вторая вѣтвь базара Ханъ. На этомъ перекресткѣ и въ началѣ восточной вѣтки базара Ханъ расположены сапожники и башмачники, которые, за входомъ въ Тимчэ-и-Вали смѣняются кондитерами, зеленщиками, фруктовыми и т. д.

Эта восточная вѣтвь базара Ханъ заканчивается выходомъ на улицу, послѣ того, какъ слѣва открывается входъ въ маленькій базарчикъ, ведущій къ воротамъ Мехризъ, а вправо—входъ въ мечеть Беяхунъ. Длина базара Ханъ—въ болѣе короткой вѣтви—125 шаговъ, а въ болѣе длинной—190 шаговъ.

Около мечети Бея Хунъ, къ базару Ханъ, примыкаетъ довольно узкій и, особенно по сравненію съ широкимъ и свѣтлымъ базаромъ Ханъ, грязный и законченный базаръ Мусалла, тянуційся на 160 шаговъ и упирающійся въ медресе Мусалла.

На этомъ базарѣ Мусалла мы минуемъ справа баню, которую можно узнать по пестро разрисованнымъ фигурамъ надъ входомъ; влѣво—второй входъ въ мечеть Бея-Хунъ.

Затѣмъ идутъ каравансарай: справа Хаджи Абдулъ Меджидъ и слѣва Ханъ Кохнэ. Какъ уже сказано, выходимъ снова къ медресе Мусалла.

Пройдя по описанному уже баз. Дери Каравансарай Ширази и баз. Пянджа Али, и, идя прямо, мы вступаемъ на крытую площадку Пянджа Али. Площадка неправильной формы въ наибольшихъ размѣрахъ имѣетъ 10×15 шаговъ и названіе свое ведетъ отъ Кадимга Пянджа Али, находящейся на углу, который приходится огибать, идя съ базара Пянджа Али на базаръ Тебризунъ.

Сама Кадимга должна изображать слѣдъ руки (пянджа) Али, но за законченной и грязной рѣшеткой можно разобрать только какіе-то безформенные булыжники. Тутъ же имѣется изразцовая таблица съ надписью, очень недавно происхожденія—1305 г. Гиджры.

На площадку Пянджа Али открывается входъ въ каравансарай Пянджа Али; тутъ-же идетъ небольшой базарчикъ, выходящій на баз. Ханъ.

Къ Ю.З. отъ площадки Пянджа Али тянется длинный (300 шаговъ) и почти прямой базаръ Тебризунъ; слѣва открывается въ него базарчикъ Джафаръ Ханъ, а справа темный и узкій базаръ Зирі Минаръ Мейданъ, затѣмъ слѣва мы имѣемъ входъ въ медресе Ханъ, у входа въ которое мы можемъ видѣть вмазанныя въ стѣну таблицы съ надписями. Насупротивъ медресе расположенъ базаръ Кейсеріэ, гдѣ сосредоточена торговля исключительно матеріями, преимущественно шелковыми. Къ этому базару примыкаетъ каравансарай Гульшанъ, гдѣ, какъ говорятъ, помѣщался прежде монетный дворъ. Базаръ Кейсеріэ другимъ своимъ концомъ открывается на площадь Мейдане Ханъ.

Идя по базару Тербизіунъ далѣе, мы имѣемъ слѣва кара-

вансарай Али-Ага, гдѣ помѣщается іездское отдѣленіе Imperial Bank of Persia; далѣе вправо расположено небольшое чайханѣ.

Возвратясь снова къ площадкѣ Пянджа Али и, идя отъ нея къ СЗ, входимъ къ базарѣ Пай-Пянджа Али, гдѣ справа находятся каравансарай: Хаджи Садыкъ, Арабха, гдѣ помѣщается почта, и Біябунакія. Слева-же находится входъ въ мечеть Рикъ и затѣмъ входъ въ базарчикъ Зирри-Минаръ Мейданъ, со вторымъ входомъ въ мечеть Рикъ, входомъ, украшеннымъ изразцами и рѣзьбой.

Месджидъ Рикъ настолько замаскирована строеніемъ базара, что нескоро можно разобраться, какому зданію принадлежитъ ея песчано-желтый куполь, тѣмъ болѣе, что принадлежащій ей минаретъ, какъ доминирующій надъ площадью Мейдане Ханъ, называется по имени не мечети, а площади—Минаръ Мейдане Ханъ.

Какъ стара эта мечеть, сказать трудно, но судя по простому изразцовому узору минарета, слегка даже покосившагося, можно полагать, что она далеко не изъ новыхъ. Въ одной изъ лавокъ базара Зирри Мейданъ (выходящаго на базаръ Пай-Пянджа Али) я видѣлъ вмазанный въ стѣнѣ надгробный камень, съ датой 1102 г. Гиджры.

Оба базарчика Зирри-Минаръ Мейданъ, соединясь вмѣстѣ, открываются на площадь Мейдане Ханъ, около даругэ-ханэ (караулки). Площадь Мейдане Ханъ открытая, имѣетъ 28×120 шаговъ; посреди ея находится выложенный кирпичемъ хоузъ въ 10×95 шаговъ. Площадь окружена крытой галлереей, въ глубинѣ которой ютятся лавки—это базаръ Доре-Мейданъ.

Въ одномъ углу площади расположено медресе Шафіѣ, въ другомъ — караулка (даругэ-ханэ—). Даругэ-ханэ представляетъ изъ себя выѣвленное зданіе, на которомъ нарисованы красками Левъ и Солнце, Рустемъ въ доспѣхахъ и съ грозными усами и изображенія персидскихъ солдатъ. Передъ караулкой стоятъ ружья въ козлахъ и фонарь на столбѣ.

На этой „торговой“ площади приводятся въ исполненіе смертные приговоры, рѣжутъ также пальцы, руки и т. д. Если же иногда казнь производится по какимъ-либо причинамъ въ цитадели, то все-таки трупъ переносится сюда. Здѣсь онъ валяется нѣсколько дней, послѣ чего онъ отдается на поруганіе евреямъ; они волочатъ трупъ вонъ, за городъ, осыпая его бранью и проклятіями.

На сторонѣ площади, противоположной даругэ-ханэ, находятся три короткихъ базарчика. Пуште Мейдане-Ханъ, открыва-

ющіеся на пустынный базаръ Везиръ (раньше онъ именовался базаръ Мустоуфи). На этомъ базарѣ находится оригинальный мазаръ Вакфъ, т. е. заведение для растиранія хны, таковыхъ мазаровъ въ Іездѣ немало, но этотъ заслуживаетъ особаго вниманія. Этотъ мазаръ составляетъ Вакфъ и, какъ говорятъ, доходы его идутъ нѣ украшеніе и поддержаніе гробницы Хозретъ Аббаса.

Входъ въ мазаръ украшенъ флагами; само помѣщеніе большое, свѣтлое, выбѣленное, расписанное красками, узорами и надписями, оклеено картинами; даже камни, растирающіе хну, украшены. Сверхъ того, все предметы имѣютъ нѣжнозеленый цвѣтъ, вслѣдствіе тонкой пыли хны, носящейся въ воздухѣ. Осъ вала проходитъ сквозь крышу и несетъ два торчащихъ въ стороны флага, которые вращаются вмѣстѣ съ валомъ, такъ что по нимъ легко и снаружи опредѣлить мѣсто нахожденіе мазара Вакфъ.

Внутри мазара хранятся реквизиты для религіозныхъ представленій и процессій, изъ которыхъ выдаются чучела двухъ львовъ съ уморительными фізіономіями, лежащія на поперечныхъ балкахъ.

Далѣе по базару Везиръ находится входъ въ мечеть Мулла Исмаиль, большой и сравнительно плоскій куполь которой издали напоминаетъ крышу цирка. По размѣрамъ эта мечеть едва-ли уступитъ Месджидъ Джумэ и если она не такъ выдается, то лишь потому, что она выстроена на сильно углубленномъ дворѣ, гдѣ протекаетъ арыкъ и растутъ деревья; украшеній или надписей на этой мечети ни снаружи, ни внутри, насколько я могъ видѣть, нѣтъ—все песчаножелтого цвѣта. На разныхъ деревянныхъ воротахъ мечети, выходящихъ на базаръ Везиръ, имѣется дата 1227 г. Гиджры.

Почти противъ входа въ мазаръ Вакфъ, тянется почти параллельно площади Мейдане Ханъ, широкій, но пустой базаръ Мирза Мамедъ Али Ханъ, на протяженіи 80 шаговъ; поствъ поперечнаго базарчика, открывающагося на Мейдане Ханъ, названный базаръ носитъ уже имя базаръ Мискери, ибо здѣсь сосредоточены мастерскія котельщиковъ и лудильщиковъ. На этомъ базарѣ, имѣющемъ протяженіе въ 120 шаговъ, находится Тимчэ-и-Кирмани.

Далѣе, около мѣста соединенія базара Мискери и базара Паи-Шянджа Али расположены каравансарай Хаджи и каравансарай Гомрукъ—онъ же Хиндусэ—здѣсь помѣщается таможня. Вѣтъ базара, идущая на ССВ, лавокъ почти не содержитъ; здѣсь расположены: каравансарай Ходжа Саале и Тимчэ-и-Тегеруніе.

Весь центральный базаръ, въ общей сложности, имѣетъ протяженіе около 2 верстъ (2846 шаговъ).

Джузарчъ, Хазирэ, Пири Бурчъ. Идя отъ площади Миръ Чакмакъ къ сѣверу и минуя заброшенный и безымянный Зіаретъ, входимъ въ участокъ Джузарчъ, имя котораго даетъ поводъ думать, что здѣсь имѣется джубъ изъ сел. Зерчъ, лежащаго къ СЗ отъ Іезда. Въ участкѣ Хазирэ можно отмѣтить только медресе Хазирэ Мулла. Участокъ Пири Бурчъ пользуется дурной славой, ибо тамъ, какъ говорятъ, живутъ педерасты; о нихъ въ Іездѣ почему-то говорится, что они „спятъ въ водѣ“ — „деръ абъ михабендъ“.

Газурга и Шехръ Багъ. Иные соединяютъ вмѣстѣ эти два урочища, иные же считаютъ ихъ разными кварталами. Оба эти урочища, несмотря на свою величину, достопримѣчательнаго ничего не представляютъ. Населены они наиболѣе зажиточными людьми, дома которыхъ, состоя изъ цѣлаго конгломерата зданій, занимаютъ крупные участки. Здѣсь можно отмѣтить развѣ только Багъ-и-Муинъ, запущенный садъ раззорившагося купца Муинъ-удъ-Туджаръ; садъ большой имѣетъ въ оранжереяхъ апельсинныя и померанцевыя деревья и имѣетъ также наиболѣе высокій въ этой части города бадгиръ.

Ходжа Хызръ. Урочище Ходжа Хызръ иными считается самостоятельнымъ, иными причисляется къ кв. Кассабанъ. У воротъ находится Зіаретъ Ходжа Хызръ, каковой святой считается въ Іездѣ покровителемъ земледѣлія.

Кассабанъ. Кварталъ этотъ имѣетъ довольно запрещенный видъ, особенно по сравненію съ кв. Газурга и съ кв. Пуште-Ханъ Али. Въ этомъ кварталѣ можно отмѣтить ворота Кассабанъ, отъ которыхъ въ сущности сохранилось одно только названіе, и которыя снаружи закрыты пристройкой.

Затѣмъ упомянемъ объ абамбарѣ Шешбадгиръ, по имени котораго зовутъ и мѣстность вокругъ; здѣсь расположены публичные дома. Около Шешбадгира можно видѣть немало могилъ и вмазанныхъ въ стѣну надгробныхъ плитъ.

У самой городской стѣны еще можно видѣть кладбище Юсуфъ Ханъ, гдѣ имѣется и „кассафхане“ или „мурдешурхане“ — помѣщеніе для обмыванія покойниковъ.

Талль. Этотъ кварталъ имѣетъ также довольно много развалинъ. Въ остальномъ онъ напоминаетъ кв. Газурга. Свое названіе онъ ведетъ отъ холма, на которомъ онъ расположенъ.

Пуште Ханъ Али. Кварталъ этотъ, занимающій ЮВ оконечность Іезда, отчасти только находится въ предѣлахъ городской

черты; на планѣ можно видѣть приблизительное направленіе городской стѣны, возстановленной по отдѣльнымъ башнямъ и воротамъ: Заду Маргъ и Кушкъ.

Хотя ворота Заду Маргъ расположены посрединѣ квартала, но они сохранились вполнѣ и кромѣ того, есть еще указаніе, что они служили выходомъ изъ города. Именно „Заду Маргъ“, по переводу гебровъ означаетъ „рожденіе и смерть“. Какъ объясняютъ гебры, имя Заду Маргъ принадлежитъ особому зданію, расположенному у этихъ воротъ и служащему для обрядностей, связанныхъ съ погребеніемъ.

Трупъ умершаго гебра, передъ перенесеніемъ въ Дехмэ („башню молчанія“), помѣщается въ указанное зданіе, причемъ вносится онъ въ одни двери, а выносится въ другія, чѣмъ образуется вхожденіе человѣка въ міръ и выходъ, т. е. рожденіе и смерть.

Іездскіе гебры сближаютъ это учрежденіе съ словами Авесты (*Vendidad, Fargard V*, стихи 37,—XI—33, 39 и т. д.—цит. по *C. de Harlez. „Avesta, livre sacré du zoroastisme, traduit du textezend“*. Paris. Maisonneuve & Co. 1881), гдѣ предписывается устраивать „kata“ для храненія трупа въ теченіе даже мѣсяца, до перенесенія въ Дехмэ.

Въ этомъ зданіи дестуры (жрецы) совершаютъ надъ умершимъ установленные обряды, здѣсь собираются родственники и знакомые для отдаванія послѣдняго долга и т. д.

По духу религіи Зороастра, считающей, что около трупа кишатъ злые духи, такое зданіе должно находиться подальше отъ жилищъ, т. е. у выходныхъ воротъ.

Кстати сказать, что эти ворота Заду Маргъ находятся именно на пути изъ Іезда къ Дехмэ, расположенной восточнѣе Тафтскаго ущелья.

Другія ворота, также недурно сохранившіеся, есть ворота Кушкъ. Около нихъ находится кладбище Габристанъ Пуште Ханъ Али или Габристанъ Кушкъ. Кладбище это, судя по надписямъ въ огражденной его части, имѣющей размѣры 100×150 шаговъ, не старѣе 60 лѣтъ. Къ ВСВ отъ кладбища, на возвышенномъ холмѣ, можно видѣть заброшенный, съ провалившимся куполомъ Зіаретъ Кушкъ, который, какъ говорятъ, былъ гебрской святыней.

Отличительной чертой Пуште Ханъ Али, помимо широкихъ и относительно прямыхъ улицъ и малаго количества развалинъ, служить еще полное отсутствіе бадгировъ. Гебрамъ, какъ и евре-

ямъ, запрещается строить высокія зданія и бадгиры. Первую часть запрещенія гебры, среди коихъ не мало состоятельныхъ людей, обходятъ, но строить бадгиры всетаки не смѣютъ. Можно еще замѣтить, что въ Іездѣ всѣ дома, обитаемые „неджуси“, т. е. евреями и гебрами, отмѣчены знакомъ на наружной стѣнѣ—брызгами извести.

Зіаретовъ въ этомъ кварталѣ нѣтъ. Гебрскихъ храмовъ огня мы посѣтить не удалось, ибо съ одной стороны мои знакомые—гебры были изъ тайныхъ бабистовъ, съ другой стороны члены официального гебрскаго учрежденія, Энджумѣна, тоже не въ ладахъ съ дестурами.

Зданіе Энджумѣна, о которомъ будетъ сказано ниже, находится къ ЮЗ отъ воротъ Заду Маргъ; тутъ же находится гебрская школа.

Кварталь этотъ носитъ еще иныя названія: Мохалла Хальфэ-Ханъ Али, Мохалла Гебраха и Мохалла Бузиха.

Пригороды.

Уже часть Пуште Ханъ Али, находящуюся внѣ городской стѣны, можно считать пригородомъ, хотя она связана органически съ городомъ.

Характеръ пригорода, уже болѣе опредѣленный, имѣетъ полюсу города съ СВ, идущую по ходу телеграфной линіи.

Сельсебиль. Такъ какъ русскіе путешественники останавливаются у нашего коммерческаго агента Хаджи Махомедъ Таги Ширази, то принадлежащій ему садъ „Сельсебиль“ упоминается часто въ ихъ описаніяхъ. Садъ этотъ, или, вѣрнѣе, виноградникъ, расположенъ около кв. Пуште Ханъ Али, на самой окраинѣ города и съ точки зрѣнія персидскихъ садовъ вообще, ничего особеннаго, кромѣ своего названія (Сельсебиль—одинъ изъ источниковъ рая), не представляетъ.

Сери Талль. Это урочище состоитъ отчасти изъ домовъ, отчасти изъ садовъ, виноградниковъ и пустырей.

Кладбище Джубхурхуръ. Урочище это отчасти примыкаетъ къ городу (башня—остатокъ стѣны внѣшняго города—стоитъ посреди кладбища), отчасти прилегаетъ къ пустырямъ, переходящимъ въ сел. Сери Сенгъ и др.

Въ этомъ урочищѣ можно различать: 1) часть въ предѣлахъ, такъ сказать, городской черты—площадка 100×100 шаговъ, на которой находимъ спускъ въ джубъ, дающій названіе всему

урочищу; 2) болѣе обширную часть площади въ 280×300 шаговъ, отдѣленную отъ первой дорогою; у которой и расположена названная башня—остатокъ стѣны внѣшняго города; 3) двѣ ограды по обѣимъ сторонамъ этой большой площади: съ Востока—общее кладбище, съ Запада—замкнутое кладбище бабистовъ, „хазирэ бабиха“.

Хотя это кладбище пожалуй и наиболѣе обширное въ Іездѣ, но далеко не самое старое. Кромѣ одного камня 1086 г. Гиджры, наиболѣе старыя надгробія относятся къ второй половинѣ XVIII вѣка нашей эры (1168—1174—1184—1205—1212—1219 гг. Гиджры).

Абамбаръ на западной сторонѣ площади, имѣетъ дату 1222 года Гиджры ¹⁾.

Зато на этомъ кладбищѣ можно видѣть надгробія самаго разнообразнаго рода и изъ разнаго матеріала. Съ этой точки зрѣнія кладбище Джубхурхуръ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Наиболѣе простыя надгробія сдѣланы изъ песчаника или изъ сѣраго гранита.

Лучшія надгробія—мраморныя. Онѣ отличаются и величиною и чистотой отдѣлки и узорами, рельефно вырѣзанными—ихъ можно видѣть въ особыхъ загородкахъ, стоящихъ на кладбищахъ.

По поводу мрамора я долженъ сказать еще пару словъ. Curzon (II. 109), описывая надгробіе Хафиза въ Ширазѣ, говоритъ, что оно сдѣлано изъ желтаго іездскаго мрамора (yellow Yezd marble); видѣвши и надгробіе Хафиза и іездскіе памятники, могу сказать, что хотя этотъ сортъ мрамора, почти бѣлаго, непрозрачнаго съ желтокрасными прожилками и встрѣчается на іездскихъ надгробіяхъ, но все же въ Іездѣ наиболѣе цѣнится другой сортъ—полупрозрачный, зеленоватый мраморъ. Прекрасный образчикъ такого камня можно видѣть въ меньшей части площади, около Джуба.

Маламиръ, Абишуръ, Сери Сенгъ. Къ сѣверу отъ кладбища Джубхурхуръ расположена группа строеній подъ приведенными тремя названіями. Эту группу можно считать пригородомъ въ полномъ смыслѣ слова. Находясь внѣ городской черты, тѣмъ не менѣе эти строенія обитаются исключительно лишь городскимъ населеніемъ. Прилежающія къ нимъ поля обрабатываются жителями сосѣднихъ селеній.

О соотношеніи воротъ Маламиръ (внутренняго города) къ кв. Маламиръ я уже говорилъ. Противъ этихъ воротъ мы имѣемъ полуразрушенное Хусейніе и мечеть Маламиръ. Къ югу отъ

¹⁾ Ограда же, съ восточной стороны, не старѣе 30 лѣтъ.

Хусейиніа, въ ближайшей крытой улицѣ, между входами въ лѣтнее и зимнее помѣщеніе мечети, имѣется Кадимга Муртуза Али. Въ выбѣленной стѣнкѣ устроень какъ-бы маленькій шкафчикъ съ двумя дверцами, внутри котораго можно видѣть темно-коричневый, совершенно гладкій камень—это одна Кадимга. Другая Кадимга находится снаружи, у стѣны, и удивительно похожа на гранитный валець, на которомъ іездскіе читсазы колотятъ напечатанный ситець для приданія ему ровности и блеска. На поверхности этого валька имѣется дыра, якобы, слѣдъ пальца Али.

Дыра эта слишкомъ велика для человѣческаго пальца, такъ что невольно вспоминается замѣчаніе Curzon'a (I. 260), по поводу отпечатка ноги Имама Ризы, что „у великихъ людей и ноги громадныя (all these great men had huge feet)“.

Кромѣ описаннаго, въ стѣну вдѣланы: не большое зеркало, зеленоватый изразецъ съ выпуклыми—буквами, расписанный красками камень съ символомъ вѣры и небольшой камень съ полукуфическими письменами; камни съ подобнымъ шрифтомъ и такимъ расположеніемъ надписей можно видѣть въ мехрабахъ іездскихъ мечетей.

Затѣмъ въ стѣнку вмазано 6 фаянсовыхъ табличекъ съ датами 1038—1081—1095 г.г. Гиджры; пять изъ нихъ писаны синей краской, а одна—черной.

Сверху стѣнка украшена рядомъ „гандилей“.

Абишуръ называется также Салгирабадъ и ничего особеннаго не представляетъ.

Между Маламиромъ и Сери-Сенгомъ находится Зіареть Султанъ (или Сеидъ) Суффеть, иначе пазываемый Сеидъ-Сурхъ. Датированъ онъ, по словамъ жителей, 952 г. Гиджры.

Надгробіе снаружи имѣетъ дату 1048 г. Гиджры. Какъ снаружи, такъ и внутри Зіарета много гандилей, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ величиною съ человѣческую голову.

Сери-Сенгъ самъ по себѣ ничего интереснаго не представляетъ, но здѣсь надо отмѣтить, что влѣво отъ мечети (высокаго зданія съ раздвоенной наверху надстройкой, напоминающаго старый астрономическій знакъ Весты) растутъ три пальмы. Баумгартенъ говоритъ (стр. 126), что въ Іездѣ „пальмы нѣтъ и слѣда—онѣ не переносятъ зимней стужи“.

Это заявленіе тѣмъ болѣе необъяснимое, что въ сел. Акда, къ СЗ отъ Іезда можно видѣть цѣлые кусты низкорослыхъ пальмъ, въ Іездѣ-же есть небольшіе кусты пальмъ на огороженныхъ частяхъ кладбищъ Джубурхуръ и Кушкъ.

Въ Сери-Сенгѣ имѣются три вполне взрослых пальмы—одна (высокая) мужская особь и двѣ, вышиною сажени въ полторы, женскія особи; находятся онѣ всѣ въ прекрасномъ состояніи. Хозяинъ дома, показывавшій мнѣ эти пальмы, говорилъ, что при уходѣ, онѣ давали по 20 шахск. мѣвъ финиковъ въ годъ.

Культурѣ пальмъ мѣшаетъ не зимняя стужа, а недостатокъ воды и необходимость производить искусственное опыленіе, что является кропотливой и некупающейся работой.

Селенія и окрестности.

Ягуби. Эта небольшая, изолированная группа домовъ въ сущности, по своему происхожденію, тяготеетъ къ сел. Муріабадъ, такъ какъ оба эти селенія были раньше населены евреями. Выше я уже упоминалъ, что мечеть въ Ягуби имѣетъ направленіе немного иное, чѣмъ всѣ прочія мечети города, т. е. на ЮЗ—З, а не ЮЮЗ, или иначе, не на Мекку, а на Палестину.

Муріабадъ. Къ Сери-Сенгѣ, при посредствѣ незначительнаго селеньища *Гумбезъ Себзъ* ¹⁾, примыкаетъ крупное селеніе Муріабадъ (испорченное Маріамабадъ)—въ 500 домовъ. Одинъ изъ канатовъ носитъ названіе „Ягубъ“.

Муріабадъ имѣетъ два примѣтныхъ дерева: одно—пирамидальный тополь или кипарисъ—у сѣверной части селенія, другой—съ круглой, вѣтвистой кроной—посрединѣ селенія, около мѣстнаго Зіарета; около Зіарета я видѣлъ надгробіе 1262 г. Гиджры.

Муріабадъ имѣетъ уже свои сады и поля.

Къ югу отъ Муріабада на холмѣ, стоитъ одиноко Зіаретъ *Зеридіунъ*, особенно охотно посѣщаемый женщинами, ибо тамъ погребена какая-то святая женщина.

Къ СВ отъ Муріабада находится сравнительно новое селеніе *Хасанабадъ* (32 дома).

Къ западу отъ сел. Хасанабадъ, совсѣмъ на отшибѣ, расположено довольно запущенное зданіе, высокое съ заборомъ. Называется оно „*Каа Аседунъ*“, но назначенія его я узнать не могъ.

Повидимому, Каа Аседунъ соответствуетъ тому, что на планѣ Ханькова обозначено подъ именемъ „убѣжища для прокаженныхъ“ ²⁾.

¹⁾ Зіаретъ Гумбезъ Себзъ имѣетъ дату 1256 г. Гиджры.

²⁾ Когда писались эти строки, то я пользовался лишь фотографіей, довольно не ясной, съ плана Ханькова. Разсмотрѣвъ затѣмъ планъ въ подлинникъ, я могъ убѣдиться, что „enclos destiné aux lepreux“ Ханькова отвѣчаетъ селенію Хасанабадъ моего плана.

Долженъ, однако отмѣтить, что за 1½ года я видѣлъ въ Іездѣ всего только одного прокаженного.

Далѣе къ западу расположено также сравнительно новое селеніе *Садрабадъ* (30 дом.).

Между Садрабадомъ и Іездомъ находится полуразрушенное зданіе, похожее не на Зіаретъ, а скорѣе на постройки, воздвигаемыя иногда на кладбищахъ надъ могилами. Здѣсь можно видѣть мраморное надгробіе довольно грубой работы.

Это—*Зенгіанъ*; по легендѣ, здѣсь погребенъ даругъ, ищеленный Имамомъ-Ризой въ банѣ Фортъ (кв. Чаръ-Су).

Невдалекѣ отъ Зенгіана, можно видѣть небольшой искусственный холмъ, съ площадкой наверху, гдѣ какъ увѣряють, кейфуютъ чарсей (потребители гашиша) которые въ силу особенностей гашишнаго наркоза, нуждаются въ тишинѣ и уединеніи (сравни у В. Бартольда, *op. cit.*, стр. 40—„холмъ потребителей опиума“).

Неподалеку отъ Зенгіана находится старый каравансарай *Джаннетабадъ*, съ скопленіями мягкаго песка вокругъ него; абамбаръ, расположенный тутъ-же, датированъ 1180 г. Гиджры.

Поле между Іездомъ и Садрабадомъ, около Зенгіана и Джаннетабада, служитъ для городскихъ жителей любимымъ мѣстомъ прогулки, причемъ дѣтвора и молодежь занимается играми: въ чехарду („хамраван-бази“), въ мячъ („губази“), запускають змѣи („кагызъ-бади“); въ пролетѣ воротъ Джаннетабада висятъ качели.

Съ СЗ отъ Іезда находится селеніе *Насрабадъ* (200 дом.), позади котораго расположены: сел. *Кяну* (или Кесневіэ)—въ 300 дом. и сел. *Мардава* (по Ханыкову—Мердабадъ).

Съ ЮЗ примыкаетъ къ Іезду цѣлый конгломератъ селеній: *Куча Биджъ* (200 дом.); *Сери-Ду-Ра* (65 дом.); *Хуррамшайхъ* (500 дом.); *Ахрестанъ*; *Хезаръ-Дерехтъ*; *Багъ-и-Ханъ*; *Шехнэ* и т. д. Это большой, почти сплошной паркъ съ большими деревьями, ручьями, заборами, среди которыхъ нелегко ориентироваться. Кромѣ отдѣльных домовъ тутъ встрѣчаются и цѣлыя группы зданій, какъ это приблизительно намѣчено на планѣ.

Къ ЮВ отъ нихъ расположено сел. *Абшей* (Аби-Шахи), съ улицей посрединѣ.

Къ Ю отъ Абшей, въ полѣ, можно видѣть гебрскій зіаретъ *Пири Муратъ*. Это небольшая хибарка, глинобитная, безъ всякихъ украшеній, законченная внутри.

На внутренней стѣнкѣ кѣмъ-то отъ руки нарисованъ пароходъ.

Къ ЮЮЗ отъ сел. Абшей расположены: сел. *Касимабадъ* (60 дом.) и *Неджефабадъ* (45 дом.).

Къ ЮВ отъ Іезда расположенъ *Междиабадъ*, гдѣ считается до 30 хафизовъ поливной земли.

Чтобы покончить съ ближайшими окрестностями Іезда, надо упомянуть еще о *бойнѣ*, находящейся къ Ю отъ воротъ Куду Ференгъ, въ 300 шагахъ отъ воротъ Ходжи-Хызръ. Зданіе это выстроено сравнительно недавно, при правителѣ Джелаль-удъ-Доуле.

Зданіе, размѣрами 90×40 шаговъ, устроено вполне цѣлесообразно: имѣется загонъ для скота, вполне изолированный; затѣмъ на дворѣ при самой бойнѣ нѣсколько мелкихъ загонѣвъ.

Крытое помѣщеніе самой бойни въ 35×10 шаговъ имѣеть рядъ пишь съ цементированными стоками и поперечными балками для подвѣшиванія тушъ; у стѣнки бойни устроенъ колодезь, могущій подавать воду и внутрь бойни и во дворъ.

При Джелаль-удъ-Доуле бойня эта сдавалась въ аренду за 250 тумановъ въ годъ; арендаторъ взималъ съ туши по 8 шаф.

При мѣ эта бойня не функционировала, хотя находилась въ полной исправности.

Населеніе.

Населеніе Іезда состоитъ изъ подавляющаго количества мусульманъ, изъ коихъ одна треть считается бабистами; затѣмъ изъ гебровъ и изъ небольшого числа евреевъ.

Общее количество жителей опредѣлить нелѣгко, за неимѣніемъ какихъ-либо прочныхъ исходныхъ точекъ.

По Fraser'у (см. у Бартольда, *op. cit.*, 68) при длинѣ стѣны въ 4.000 шаговъ, населеніе города равняется 30—40.000 чел.

Исходя изъ этого разсчета, въ Іездѣ, при длинѣ стѣны въ 9 верстъ (13.500 шаг.) можно было-бы ожидать 90—120.000 населенія.

Gurzon (II, 240), исходя повидимому изъ этого-же разсчета, говоритъ, что въ настоящее время, со включеніемъ пригородовъ, число жителей можно считать около 100.000 ч., хотя дальше самъ говоритъ, что наиболѣе вѣроятной цифрой жителей самого города можно считать 70—80.000 г.

Методъ Fraser'a имѣеть одинъ недостатокъ: быть можетъ онъ и примѣнимъ къ густо населеннымъ городамъ, вродѣ, напр., Бухары, но Іездъ къ такимъ городамъ отнюдь не принадлежитъ.

Баумгартенъ (стр. 127), поэтому, болѣе приближается къ истинѣ, считая населеніе города равнымъ 55.000 чел.

Мѣ насчитывали (со включеніемъ окрестныхъ селеній) до 60.000 жителей.

Съ цѣлью провѣрки, я старался опредѣлить число жителей какимъ-либо инымъ способомъ, напр., по количеству потребляемаго хлѣба. Въ срединѣ 1898 г. вслѣдствіе разлада между правителемъ и купцами, послѣдніе прекратили подвозъ хлѣба. Хотя на рынокъ и былъ запасъ хлѣба — до 2.000 шахск. халваровъ, но всѣ твердили, что этого запаса хватитъ только на два мѣсяца.

Считая шахскій халваръ въ 35 пудовъ 30 фунт. и, кладя на человѣка по 2 ф. муки въ день, получимъ, что этого запаса могло хватить на 23.833 чел. Цифра эта слишкомъ низка и и объясняется тѣмъ, что въ моментъ хлѣбнаго кризиса, конечно, точныхъ свѣдѣній добыть было трудно. Но затѣмъ я сталъ подъ рукой собирать свѣдѣнія, сколько хлѣба потребно въ день для самого города. Это количество мнѣ опредѣлили въ 5.000 шахскихъ менъ. Считая ш.-мень въ $14\frac{1}{3}$ ф. и кладя по 2 ф. муки на человѣка, получимъ 35.750 жителей самого города. Такъ какъ бѣдняки едва-ли расходуютъ по 2 ф. муки, то возможно округлить эту цифру кверху—до 40.000 чел. Сюда надо внести еще одну поправку. Гебры, которыхъ въ самомъ городѣ насчитывается около 2.000 ч., получаютъ свой хлѣбъ, въ силу ритуальныхъ условій, исключительно изъ своихъ селеній. Итакъ, число жителей самого города можно опредѣлить цифрою около 40.000 чел и даже немного больше.

Селенія въ этотъ расчетъ не входятъ. Ихъ населеніе опредѣляется слѣдующими цифрами:

Маламиръ и Абишуръ . . .	300	дом.
Сери Сенгъ	100	„
Ягуби	20	„
Муріабадъ	500	„
Хасанабадъ	32	„
Садрабадъ	30	„
Рахимабадъ	2	„
Насрабадъ	200	„
Кяну	300	„
Куча Біокъ	200	„
Сери-Ду-Ра	65	„
Хуррамшахъ	500	„
Абшей	400	„
Касимабадъ	60	„
Неджефабадъ	45	„
Мехдіабадъ	36	„

Всего 2790 домовъ или около 10.000 жителей.

Такимъ образомъ, наименьшимъ числомъ жителей въ городѣ Іездѣ съ его ближайшими селеніями можно считать 50.000 чел.

Характеръ населенія. Я не могу касаться здѣсь особенностей характера персовъ вообще, такъ какъ сюжетъ этотъ очень сложный и говорить о немъ съ увѣренностью, особенно если принять во вниманіе скрытность и лживость персовъ, можно только послѣ многихъ лѣтъ жизни и постоянного общенія съ персами. Здѣсь я хочу отмѣтить только тѣ черты характера населенія, которыя свойственны именно жителямъ Іезда, ибо къ Персіи исполнѣ примѣнима пословица: „что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай“.

Городъ Іездъ, по сравненію съ другими персидскими городами, носитъ какой-то провинціало-буржуазный оттѣнокъ. Сказать, что это городъ бѣдный—едва-ли возможно. Правда, сама провинція бѣдна водой, а потому производительность ея земледѣлія, садоводства и т. п. незначительна. Но зато городъ Іездъ еще съ давнихъ временъ являлся промышленнымъ центромъ, обрабатывавшимъ шелкъ, хлопокъ, хну, ошій и т. д.

Сырой матеріалъ для этого Іездъ получаетъ со всѣхъ концовъ Персіи и произведенія свои также разсылаетъ повсюду. Такой городъ нельзя считать бѣднымъ и заброшеннымъ. Тѣмъ болѣе, что онъ, насколько можно судить, не подвергался такому, полному раззоренію, какъ другіе города Персіи.

Но, очевидно, подчиненное положеніе Іезда, постоянно причисляемаго, въ административныхъ цѣляхъ, къ другимъ провинціямъ, его изолированное положеніе въ пустынѣ, вдали отъ историческихъ путей и крупныхъ событій, отсутствіе какого-либо самостоятельнаго политическаго значенія, придали его населенію этотъ буржуазный характеръ, выдвинувъ впередъ меркантильную сторону его.

Еще Хафизъ (ср. у А. Chodzko. *Grammaire de la langue persane*. Paris 1883, стр. 164) указываетъ на эту меркантильность: „Шахъ Хормуза не видѣлъ меня, но безъ дальнихъ словъ, осыпалъ меня милостями: шахъ Іезда видѣлъ меня, я воспѣлъ его „и онъ ничего мнѣ не далъ“.

Мнѣ пришлось слышать другой, подобный-же, но болѣе современный отзывъ, что постъ феррашбаши въ Ширазѣ считается выше, чѣмъ постъ правителя въ Іездѣ. И я могу по личному опыту, сказать, что это правда: ширазскій феррашбаши живетъ шире и пышнѣе, чѣмъ Іездскій губернаторъ.

Но, повторяю, едва ли это зависитъ отъ доходовъ; просто,

буржуазность жизни въ Іездѣ не требуетъ той „томаши“, той выставки и обстановки, какъ въ Ширазѣ.

Въ Іездѣ и убранство домовъ и одежды и весь складъ жизни, даже у богатыхъ людей просты. По моему подсчету, лѣтній костюмъ богатаго купца въ Іездѣ стоитъ 10—15 рублей, хотя въ той-же семьѣ молодежь, любящая пощеголять, носила пояса изъ кирманскихъ шалей рублей по 50—70 за штуку.

Затѣмъ, іездскіе жители отличаются приверженностью къ старинѣ. Изолированность города не только по отношенію къ европейскимъ вліяніямъ, но даже и по отношенію къ событіямъ, происходящимъ въ самой Персіи, заставляетъ іездѣ глядѣть отрицательно на всѣ новшества.

Если въ остальной Персіи уже убѣдились, что и отъ европейцевъ можно позаимствоваться хорошимъ, то въ Іездѣ далеко еще не дошли до этого сознанія. На новшества, вводимыя шахомъ Насрэддиномъ, да и вообще на всю династію Каджаровъ, въ Іездѣ смотрятъ почти враждебно. Положимъ, сюда отчасти примѣшиваются и чувства бабистовъ, которые много претерпѣли отъ Насрэддина (въ моемъ экземплярѣ книги Curzon'a, которую я давалъ посмотрѣть бабистамъ, портреты всѣхъ Каджаровъ носятъ слѣды мальтретированія...).

Но, все-таки, причина отрицательнаго отношенія къ новизнѣ дежитъ, очевидно, глубже. Внѣшнимъ образомъ оно выражается тѣмъ, что іездѣ строго придерживаются стариннаго костюма: кабъ, абъ и чалма, равно какъ и борода, обязательны для каждаго порядочнаго іездѣ.

Введенный при Насрэддинѣ полуевропейскій костюмъ: сердари (однобортный сюртукъ), панталоны, ботинки и барашковая шапка, абсолютно не пользуются ни популяренностью, ни уваженіемъ; ихъ носятъ только должностныя лица, да гуламы (лакен); даже ферраши, носящіе по формѣ барашковую шапку, повязываютъ ее платкомъ, чтобы она хоть немного походила на чалму. Обязательность ношенія стариннаго костюма настолько выражена, что іездѣ скорѣе рѣшится выдать свою дочь замужъ за бѣдняка въ чалмѣ и съ бородой, чѣмъ за богача, но въ сердари и бри-таго.

И іездѣ гордятся тѣмъ, что новшества ихъ не коснулись; при мнѣ на базарѣ нельзя было достать вилокъ, и даже ложки (столовыя) употреблялись рѣдкими лицами. Какъ курьезъ, могу привести еще одну поговорку: когда хотятъ сказать, что человекъ никуда не годенъ (по нашему „отъ него, какъ отъ козла—ни шерсти, ни молока“) то говорятъ: „это—картофель изъ него

„масла не выжмешь“. И въ Іездѣ картофель настолько мало оцѣненъ, что разводится только нѣкоторыми богатыми людьми, а въ продажѣ его почти нѣтъ.

Затѣмъ, Іездѹ вѣрно хранятъ традиціи своего наименованія „Даръ-уль-Ибадэ“ (City of Worship, Cité d'Adoration) и гордятся своей религіозностью. При мнѣ, однако, религіозность ихъ выражалась не столько въ фанатизмъ (какъ писали другіе путешественники), сколько въ ритуализмъ.

Мнѣ нигдѣ не приходилось, напр. слышать и видѣть такого усердія къ выкликанію азана, какъ въ Іездѣ. Утромъ, положительно невозможно, бывало, спать отъ того вопля, который стоялъ въ воздухѣ; помимо муэззиновъ, вопящихъ *ex officio*, еще чуть-ли не на каждой крышѣ кто-либо изъ добровольцевъ-любителей выпѣваетъ изо всей мочи трели и рулады азана.

Затѣмъ, на каждомъ шагу приходится слышать присловья религіознаго характера.

Каждому, присаживающемуся къ компаніи, говорятъ: „Йя-Алла“; абкетъ (водоносъ), подавая напитокъ говоритъ: „бинѹшъ, яды Хусейнъ“ (пей и вспоминай Хусейна) или же: „бинушъ, лянѣти хаккъ беръ Іезидъ кунъ“, (пей и проклинай, какъ должно, Іезида). По окончаніи питья, отвѣчаютъ: „беръ дѹли сійхи „Іезидъ лянѣтъ“ (проклятіе черному сердцу Іезида) или же: „селамъ уллѣ эла кѣттілъ эль Хусейнъ“, (благословеніе Божіе надъ Хусейномъ и проклятіе Божіе убійцѣ Хусейна).

Садясь за ѣду, говорятъ: „Бисмиллахи рахмани ррахиму“, а, покончивъ съ ѣдой, „худа йя сѣдъ хезаръ шукръ“ (о Боже, сто тысячъ разъ хвала тебѣ) или-же: „Алла хюммѣ мезѹдни вѣла тѣнгусъ“ (Боже, давай еще болѣе, только лишь на здоровье).

Когда вносятъ въ комнату или зажигаютъ въ ней лампу или свѣчу, то говорятъ: „селамъ!“; полная формула гласитъ: „эс селамунъ алейкумъ, йя шѣхи чиракъ“ (привѣтъ тебѣ, о господинъ свѣта), и т. п.

И почти на каждомъ шагу іезиды бормочетъ подобныя ритуальныя присловья.

И все-таки надо сказать, что жители Іезды, по крайней мѣрѣ, въ мое время, вовсе не были фанатичны, особенно по сравненію съ другими городами, напр., съ Кумомъ, гдѣ моего переводчика, шита только послѣ долгихъ переговоровъ пустили въ баню.

Несмотря на то, что европейцевъ было при мнѣ въ Іездѣ 5—7 чел., всѣ мы жили внутри города и никто не могъ пожаловаться на враждебное отношеніе населенія.

У меня осталось впечатлѣніе, что весь этотъ ритуализмъ

есть явленіе чисто внѣшнее и вызванъ, повидимому, желаніемъ показать себя, въ отличіе отъ „неджусѣ“ — настоящимъ „правовѣрнымъ“. Какъ гебры, перешедшіе вольнымъ или невольнымъ путемъ въ мусульманство, такъ и бабисты, несомнѣнно афишируютъ свою принадлежность къ исламу, хотя въ душѣ едва-ли ему сочувствуютъ. Кромѣ гебровъ и бабистовъ, въ Іездѣ много приверженцевъ сектъ Хейдарі и Неэметі, что дѣлаетъ связь населенія, въ смыслѣ религіи, еще болѣе рыхлой.

И, повидимому, эта религіозная, а отчасти и племенная (гебры) разрозненность и послужила поводомъ къ легендѣ, называющей Іездъ „тюрьмою Александра“ — „зинданъ Искандеръ“. По этой легендѣ, Александръ Македонскій въ каждомъ завоеванномъ городѣ дѣлалъ такую пробу: бралъ горсть земли и, сжавъ ее въ рукѣ, смотрѣлъ—останется-ли земля комкомъ или же снова разсыплется. Земля, взятая въ Іездѣ, рассыпалась, что по мнѣнію Александра, означало отсутствіе единодушія въ населеніи. Поэтому онъ сталъ ссылатъ въ Іездъ плѣнныхъ царей, такъ какъ вслѣдствіе розни среди жителей, здѣсь нечего было ему опасаться возстанія.

Какъ мѣсто ссылки, Іездъ и получилъ названіе „зинданъ Искандеръ“.

Вышеизложенная характеристика, населенія г. Іезда относится главнымъ образомъ къ мусульманской его части, какъ составляющей главный контингентъ жителей.

Скажу еще два слова о другихъ общинахъ, заслуживающихъ упоминанія.

Бабисты. Такъ какъ о бабизмѣ въ послѣднее время писалось много, то я скажу о немъ только, что касается Іезда, тѣмъ болѣе, что въ судьбахъ самаго города бабисты сыиграли не малую роль.

Бабисты (бехансты) иммигрировали въ Іездъ изъ Шираза, во время гоненій на нихъ.

Отчасти благодаря этимъ ширазскимъ выходцамъ, а отчасти благодаря вліянію гебровъ, какъ это указываетъ Surzon, торговля сношенія Іезда расширились значительно и, что главное, они вышли изъ предѣловъ самой Персіи. Этому помогло немало еще и иныхъ условій. Часть беханстовъ, напр., бѣжала въ предѣлы Россіи, гдѣ они осѣли, не теряя, однако связи съ оставшимися въ Персіи единовѣрцами; затѣмъ, къ бабистамъ ввиду высокаго и симпатичнаго ихъ ученія, стали примыкать лучшіе элементы населенія, стремящіеся выбиться изъ подъ гнета мусульманскаго мракобѣсія.

Сюда можно отнести и гебровъ, которые охотно переходятъ бабизмъ, ибо гебрекiе дестуры въ сущности ничѣмъ не уступаютъ мусульманскимъ мулламъ. Но эти гебры, въ лицѣ какъ интеллигенціи, такъ и наиболѣе состоятельныхъ людей, имѣютъ большія связи съ Индіей. Этимъ объясняется напр., такой, на первый взглядъ, немного странный фактъ, что іездскіе купцы, сидя въ центральной Персiи, ввозятъ въ Индію русскій керосинъ изъ Батума.

Матеріальный успѣхъ бабистовъ хотя и придалъ ихъ общинѣ большую устойчивость, но значительную роль въ дѣлѣ процвѣтанія іездской общины бабистовъ имѣло еще русское вліяніе.

Главою іездскихъ бабистовъ при мнѣ являлся Хаджи Мэхеммэдъ Тагi Ширазi, имѣющій беханестскій титулъ „Хозретъ Афланъ“. Человѣкъ онъ безусловно умный и, въ мѣстномъ смыслѣ, образованный. Хотя среди бабистовъ есть и болѣе богатые люди, но по своему уму и вліянію, онъ являлся признанной главою іездскихъ бабистовъ. Этотъ Хаджи Тагi состоялъ русскимъ коммерческимъ агѣнтомъ; постъ этотъ, повидимому, малозначащій, но въ Персiи прекрасно умѣютъ учитывать подобныя отношенія. Напр., въ томъ же Іездѣ индусы, пользуясь тѣмъ, что они „англійскіе подданные“, требовали и добивались отъ правителя, чтобы тотъ сажалъ въ тюрьму, за долги имъ, индусамъ, не только самихъ должниковъ, но даже ихъ родственниковъ — до полной уплаты долговъ. Въ противномъ случаѣ они угрожали жаловаться на правителя въ Тегеранъ, въ англійскую миссію. Но когда поѣхалъ въ Тегеранъ съ жалобой родственникъ одного изъ арестованныхъ, то выяснилось, что индусы, какъ натурализованные англійскіе подданные, пользуются консульской защитой только на англійской территорiи. Конечно, всѣ платежи индусамъ прекратились сразу и они, потерявъ нѣсколько десятковъ тысячъ убытку, вынуждены были уѣхать изъ Іезда.

Если на такой шаткой почвѣ индусы умѣли создавать свое благополучіе, то туземцы, имѣющіе отношеніе къ русскому правительству, умѣютъ дѣлать это и подавно.

Въ противоположность англійскимъ порядкамъ, каждый персъ, армянинъ, татаринъ etc., обладающій русскимъ паспортомъ, умѣетъ явиться почти неприкосновеннымъ лицомъ въ Персiи и, какъ я убѣдился въ Ширазѣ, такіе русскіе подданные, хотя по русски не говорятъ ни слова, все же высоко держатъ знамя русскаго престижа, конечно, исключительно, въ собственныхъ интересахъ.

Мы, быть можетъ, не умѣемъ цѣнить въ достаточной мѣрѣ

такихъ косвенныхъ результатовъ нашей политики въ Средней Азіи, результатовъ, быть можетъ, и не входившихъ въ планы нашей дипломатіи, но они имѣются на лицо и престижъ русскаго имени въ Персіи, несмотря на всѣ происки и завѣренія англичанъ, стоитъ гораздо выше, чѣмъ обычно думаютъ.

Это обстоятельство сослужило большую службу также и дѣлу развитія бабизма въ Іездѣ.

Даже та слабая связь съ россійской миссіей, которую имѣлъ Хаджи Таги Ширази, охраняя отчасти его личность, дала ему возможность использовать положеніе дѣла въ пользу общины бабистовъ.

Нельзя не сказать, что эту связь бабистовъ съ Россіей слѣдовало бы всячески поддерживать и развивать. Если мусульмане держатся еще и теперь мнѣнія Омара, что въ Коранѣ написано все, что достойно изученія, и посему относятся, въ массѣ, отрицательно ко всякимъ европейскимъ повшествамъ, то въ ученіи бабистовъ, наоборотъ, мы видимъ стремленіе не изолироваться отъ другихъ народовъ, а напротивъ тенденцію къ единенію съ ними, на почвѣ уничтоженія религіозной и національной розни (см. Китабе Акдесъ, пер. Туманскаго, введеніе, XXV).

Насколько у беханистовъ глубоко и искренне убѣжденіе, что „безплодные разборы и разрушительныя войны исчезнутъ и наступитъ величайшій миръ“—я могъ судить по тому сильному и радостному впечатлѣнію, которое произвело на іездскихъ бабистовъ переданное имъ мною извѣстіе о созывѣ гаагской мирной конференціи. Даже почтенные люди, обычно сдержанные и скупорѣчивые, открыто выражали свою радость, хотя немного наивно полагали, что этотъ призывъ къ всеобщему разоруженію вызванъ лаухомъ, посланнымъ бабистами нашему государю.

Это стремленіе бабистовъ къ всеобщему миру и единенію между народами, по моему, можетъ безусловно сильнѣе и прочнѣе сблизить персіанъ съ Европой, чѣмъ почти столѣтнія усилія англійскихъ миссіонеровъ.

Надо указать еще на одну черту бабизма. Мнѣ довольно часто приходилось бесѣдовать съ Ага Сеидъ Мехди Іездѣ, по прозванію Исмъ-Улла—ученымъ бабистомъ. Имѣя дома библію, я могъ убѣдиться, наводя разговоръ то на то, то на другое, только что прочитанное мною въ библіи, что Исмъ Улла знаетъ библію, не хуже протестантскаго пастора.

Англійскіе миссіонеры смотрятъ на такое знакомство ученыхъ бабистовъ съ библіей съ очень узкой точки зрѣнія и стре-

мятся на этой почвѣ обращать бабистовъ въ христіанство, хотя и безуспѣшно.

Но если смотрѣть на этотъ фактъ болѣе широко, именно принимая во вниманіе ту роль, которую играли и теперь еще играютъ идеи христіанства въ исторіи культурнаго развитія Европы, то нельзя не видѣть въ немъ возможности сближенія персіанъ съ духовной жизнью европейскихъ народовъ.

Къ сожалѣнію, не могу не указать здѣсь же на одну черту, которая, положимъ, выступаетъ всегда, какъ только высокое нравственное ученіе дѣлается достояніемъ толпы; именно, въ бабизмъ замѣтна уже склонность къ ритуализму и къ увлеченію виѣшностью, въ ущербъ самому ученію. На собраніяхъ бабистовъ мнѣ приходилось видѣть и слышать, какъ гебры-бабисты пѣли *на память* (будучи неграмотными) по часу и болѣе лаухи и стихи на *арабскомъ* языкѣ; всѣ восхищались, по только колоссальностью памяти и виртуозностью исполненія, ибо подавляющее большинство присутствующихъ, равно какъ и сами пѣвцы по арабски не понимали, а слѣдовательно изъ прочтѣтыхъ лауховъ ничего поучительнаго вынести не могли.

Гебры. Другой общиной, которая, въ противоположность основному мусульманскому населенію, представляетъ много симпатичныхъ чертъ, являются гебры. Про ихъ религіозныя учрежденія etc. я ничего не скажу, ибо объ этомъ писано много. Коснусь здѣсь только ихъ современнаго положенія, какъ общины.

Ханыковъ (op. cit. 203) говоритъ: „je crois qu'on verra même „avant la fin de ce siècle l'extinction complète de leur communauté „en Perse“.

Это предположеніе не только не оправдалось, но даже наоборотъ, положеніе гебровъ въ Персіи улучшилось за вторую половину XIX вѣка и особенно за послѣдніе годы.

Этимъ улучшеніемъ они обязаны въ первую голову своимъ индійскимъ собратьямъ. Въ 50-хъ годахъ среди индійскихъ парсовъ возродился интересъ къ своей религіи и языку, что выразилось основаніемъ общества „Râhnumai Mâzdayasnân Sabhâ“.

Не могло это общество забыть и персидскихъ гебровъ, почему было учреждено также и общество: „Society for protecting „poor Parsees in Persia“, въ числѣ основателей котораго называютъ двухъ индійскихъ парсовъ, Нашираванджи Манукджи Петита и его сына Джемшиджи Нашированджи Манукджи Петита, имѣвшихъ англійскій титулъ баронетовъ.

Этимъ обществомъ посылались въ Тегеранъ агенты-представители; изъ нихъ первымъ былъ Манукджи Сахибъ (съ 1853

по 1892 г.), вторымъ—Кейхосруджи Ханъ (1893—94 гг.), третьимъ—Ардеширджи Эдельджи Сахибъ (1894—1897 гг.), а при мнѣ агентомъ общества въ Тегеранѣ быть іездскій гебръ Деніаръ Бахрамъ Калантаръ.

На обязанности этихъ агентовъ лежитъ, главнымъ образомъ, предстательство передъ шахскимъ правительствомъ, отъ имени общества, за персидскихъ гебровъ; затѣмъ они должны развѣзжать по Персіи, знакомиться на мѣстѣ съ нуждами парсовъ, разрѣшать на мѣстѣ ихъ дѣла, устраивать школы, дехмэ и т. д.

Первый агентъ, при содѣйствіи англійскаго посланника Томсона, выхлопоталъ въ Тегеранѣ первый фирманъ, дающій доселѣ вполнѣ безправнымъ гебрамъ нѣкоторыя права, хотя бы пока только и на бумагѣ. За этимъ фирманомъ послѣдовали другіе. Могу привести здѣсь послѣдній фирманъ Шаха Музефферъ-Эддина, данный въ 1899 г. (мой переводъ сдѣланъ съ англійскаго перевода, авторъ котораго извѣстенъ въ Персіи, какъ переводчикъ ниже упомянутаго „Гуль-дестэ-чаманъ-айнэ-Зертуштъ“).

„Такъ какъ озаряющее весь міръ солнце шахскаго правосудія возшло надъ всѣми сословіями націи и сіяніе шахскаго безпристрастія озаряетъ всѣ классы населенія и свѣтъ этотъ разгоняетъ и разсѣиваетъ мрачную мглу тираніи и притѣсненій и такъ какъ высокопоставленный Деніаръ, довѣренное лицо и представитель Іездской и Кирманской общинъ послѣдователей „Зороастра повергъ отъ ихъ имени, черезъ министра иностранныхъ дѣлъ, къ августѣйшему присутствію правосуднаго праха „ногъ священной особы жалобу относительно нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ и незаконныхъ нововведеній, касающихся сказанныхъ общинъ, то симъ самымъ шахское правосудіе и безпристрастіе призываются удалить несправедливость и притѣсненія путемъ нижеизложеннымъ.“

„Во-первыхъ, они представляютъ, что въ 1308 г. (Гиджры), съ разрѣшенія правительства, они учредили въ Іездѣ и Кирманѣ общество, называемое Энджуменъ-и-Насеръ-и-Зертуштіанъ, чтобы, съ совѣта и одобренія представителей ихъ общинъ, рѣшать и улаживать, по мѣрѣ надобности, тяжбы и процессы между лицами своей же общины.

„Они испрашиваютъ поваго распоряженія и утвержденія для уполномочія сказаннаго Энджумена. Симъ постановляется, что дѣйствительно выбранные члены Энджумена должны по установленнымъ правиламъ улаживать и рѣшать тяжбы, возникающія между лицами ихъ собственной общины; если же одной изъ

„тяжущихся сторонъ является мусульманинъ, то такой процессъ
„разбирать и рѣшать надлежитъ правительству.

„Во вторыхъ, согласно благословеннаго фирмана, было по-
„становлено, чтобы и настоящій и будущіе правители избавляли
„эти общины отъ незаконныхъ притѣсненій, какъ-то: воспрещеніе
„носить новую и разноцвѣтную одежду, воспрещеніе ѣздить на
„лошадяхъ, мулахъ и ослахъ, воспрещеніе строить высокіе дома,
„вымогательство дорожныхъ пошлинъ (рахдари) съ каждаго от-
„дѣльнаго путника, насильственное обращеніе въ мусульманство
„и т. под.

„Тѣмъ не менѣе, лицъ этихъ общинъ продолжаютъ мучить
„и тревожить. Симъ постановляется, что настоящій и будущіе
„правители должны положить предѣлъ жестокому обращенію и
„всѣмъ незаконнымъ новшествамъ. Точно такъ же, какъ не дѣ-
„лается разницы между ними и мусульманами въ уплатѣ нало-
„говъ, не должно быть разницы и въ обращеніи.

„Несправедливо обращать въ мусульманство насильствен-
„нымъ путемъ, такъ какъ религія есть дѣло совѣсти человѣка.
„Предписанія ислама далеко не выполняются примѣненіемъ на-
„силія.

„До тѣхъ поръ, пока прошлое обращаемого не станетъ из-
„вѣстнымъ и его добрая воля и желаніе обратиться въ мусуль-
„манство не будутъ подтверждены, не слѣдуетъ принуждать его
„къ принятію мусульманства, особенно же въ цѣляхъ полученія
„выгодъ или унаслѣдованія имущества.

„Слѣдуетъ предоставить имъ покой и свободу въ этихъ дѣлахъ.

„Въ третьихъ, вышеуказанныя общины имѣютъ селенія въ
„Іездской и Кирманской провинціяхъ. Правители командируютъ
„чиновниковъ (забить) собирать мѣстные налоги и подати. Ука-
„занные чиновники вымогаютъ еще сверхъ того деньги, чтобы
„возмѣстить расходы по собиранію податей.

„Они просятъ, чтобы, пока они платятъ свои налоги и по-
„дати въ правительственную кассу добровольно, эти чиновники
„не дѣлали такихъ вымогательствъ.

„Симъ постановляется, что въ этомъ дѣлѣ просьба ихъ
„должна быть уважена. Пока они сами вносятъ полностью свои
„налоги и подати, деньгами и натурою, нѣтъ надобности въ за-
„ботахъ. Слѣдуетъ положить предѣлъ вмѣшательству этихъ слу-
„жащихъ.

„Въ четвертыхъ, у парсовъ существуетъ обычай освѣщать
„кунжутнымъ и клещевиннымъ масломъ ихъ храмы, благотвори-
„тельные учрежденія и священные мѣста.

„Эти масла они готовятъ исключительно только сами.
„Для этого они устроили вблизи храмовъ два завода для выжиганія масла. Но мусульманскіе торговцы масломъ дѣлають имъ препятствія и прижимки.

„Симъ постановляется, что никто не имѣеть права препятствовать имъ въ этомъ дѣлѣ. Правители обязаны воспретить всякія прижимки, не требуя за это ничего.

„Въ пятыхъ, они жалуются, что многіе требуютъ послѣдство на основаніи подложныхъ данныхъ или на основаніи обращенія ушедшаго въ мусульманство и т. п. Они испрашиваютъ, чтобы въ этихъ случаяхъ тяжбы разрѣшались Верховнымъ Судомъ и, чтобы безъ разслѣдованія, безъ полного знанія всѣхъ обстоятельствъ и до раскрытія истины, подобнымъ любостязательнымъ искамъ не давалось ходу.

„Симъ постановляется, что никто не имѣеть права тревожить ихъ подобными домогательствами.

„Такіе случаи имѣють быть разбираемы Верховнымъ Судомъ въ присутствіи обѣихъ сторонъ; правители не должны сами разбирать подобныхъ жалобъ, а должны отправлять обѣ стороны въ Верховный Судъ.

„Въ шестыхъ, многіе, ложно заявляя, что такая-то гебрская дѣвушка приняла мусульманство, увлекають ее, безъ разслѣдованія дѣла, въ свой домъ и тамъ простирають къ ней руки обольщенія.

„Въ этихъ случаяхъ рѣшеніе то же, что и въ пунктѣ второмъ. Это дѣло совѣсти правителя удерживать и строго наказывать совершителей подобныхъ насилій. Безъ знакомства съ предварительными обстоятельствами дѣла и безъ точныхъ доказательствъ добровольнаго обращенія дѣвушки въ мусульманство, никто не можетъ тревожить ихъ.

„Посему, издавая сей справедливый указъ, мы приказываемъ и повелѣваемъ настоящему и будущимъ правителямъ точно выполнять наши священныя повелѣнія и изложенныя предписанія, какъ это постановлено по каждому пункту представленной жалобы, и остерегаться малѣйшихъ измѣненій и уклоненій, считая эти постановленія руководящими и обязательными.

„Дано въ мѣсяцѣ Шевваль 1316 г. Гиджры.

Въ фирманѣ, данномъ для Кирманской общины, нѣсколько пунктовъ глясятъ иначе:

„Въ четвертыхъ, Деніаръ. Калантаръ этой общины, заявляетъ, что по удостовѣренію Е. В. Низамъ-усъ-Султанъ, министра

„финансовъ, а также и сборщика податей въ Кирманъ, соляныя „копи Задекабудъ въ Туаръ, по китабчи, пошлиною не обложены. „Посему онъ просить о выполненіи приказанія министра финан- „совъ и о прекращеніи незаконныхъ поборовъ.

„Слѣдуетъ сдѣлать, какъ удостовѣряетъ министр финан- „совъ и прекратить обложеніе пошлиной.

„Въ пятихъ, нѣкоторые члены сказанной общины имѣютъ „селенія въ Кирманъ, проживая сами въ Іездъ.

„Селенія эти пожертвованы на благотворительныя дѣла. По „закону своей религіи, они не употребляютъ покупнаго хлѣба, „а дѣлаютъ его дома сами. Посему они отдѣлили большую „часть своихъ селеній для полученія запасовъ хлѣба на цѣлый „годъ.

„Они просятъ посему распоряженія, чтобы правители не „препятствовали подъ предлогомъ, что это товаръ, перевозкѣ „этихъ продуктовъ, но просятъ предоставить ихъ для ихъ лич- „наго пользованія.

„Человѣкъ свободенъ дѣлать со своимъ имуществомъ и „свое жизнью, что ему угодно, и владѣльцы этихъ селеній вольны „перевозить продукты ихъ имѣній въ Іездъ. Правители не имѣ- „ютъ права нарушать ихъ владѣльческія права и задерживать „ихъ годовые запасы подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ товаръ „для продажи.

„Въ шестыхъ, въ бытность покойнаго Насеръ-удъ-Доуле Дер- „манферма въ Кирманъ, было постановлено, что землевладѣльцы „обязаны платить, взамѣнъ несенія военной службы, пропорціо- „нально ихъ владѣніямъ. Парсы мелкіе землевладѣльцы и боль- „шинство ихъ селеній составляютъ вакфъ. Каждое семейство „должно вносить 2 тумана деньгами и 50 тавризскихъ менъ пше- „ницы ежегодно, взамѣнъ поставки рекрутовъ.

„Но правительственные чиновники заставляютъ вносить „деньги еще сверхъ этого для найма, какъ они говорятъ, рекру- „товъ взамѣнъ бѣжавшихъ, умершихъ, смѣненныхъ или соста- „рѣвшихся людей.

„Не слѣдуетъ налагать и взыскивать суммъ выше установ- „ленной покойнымъ Ферманферма. Въ арміи всегда найдется до- „статочно замѣстителей, чтобы нести службу взамѣнъ парсовъ. „Ни одной копейки не должно быть взыскиваемо на рекрутовъ: „установленный наборъ является вполне достаточнымъ“.

Помимо чисто внѣшняго содѣйствія и покровительства ге- „брамъ, названное общество старалось поднять и образовательный „уровень и самобытность персидскихъ гебровъ. Съ этой цѣлью

прежде всего начали устраивать школы. Еще Манукджи Сахибъ взялъ съ собою въ Тегеранъ 12 мальчиковъ, чтобы приготовить изъ нихъ учителей, но этотъ опытъ оказался неудачнымъ, такъ что теперь учителя получаютъ свою подготовку въ Индіи.

Постановка дѣла въ школахъ предполагалась на европейскій ладъ—съ опредѣленной программой и съ подраздѣленіемъ на классы; предполагалось преподавать не только персидскій языкъ, какъ наиболѣе необходимый по мѣстнымъ условіямъ, но также зендъ и англійскій языкъ, затѣмъ начатки религіи, арифметику, географію, исторію и т. д.

Но, къ сожалѣнію, дѣло не пошло на ладъ; родители, какъ это дѣлается и въ мусульманскихъ школахъ, брали дѣтей обратно, какъ только тѣ научались читать и писать по персидски и развѣ еще немного считать. Англійскому языку за 12 лѣтъ выучилось всего нѣсколько человѣкъ, а до зенда охотниковъ и вовсе не оказалось. Въ сущности говоря, изученіе зенда было введено въ программу съ той цѣлью, чтобы дать возможность гебрамъ читать священныя книги въ подлинникѣ.

Конечно, такое новшество сильно не нравилось дестурамъ, которые едва образованы и сами еле-еле разбираютъ зендъ, и они старались всячески противодѣйствовать школѣ. Еще большее негодование дестуровъ было возбуждено введеніемъ въ школахъ преподаванія начатковъ религіи. Въ 1893 г. въ Чикаго собирався конгрессъ религіи и специально для этого конгресса была составлена бомбейскимъ ученымъ парсомъ Ervad Sheriarje Dadabhai Bharuchâ брошюра: *A brief sketch of the „Zoroastrian Religion and Customs“*.

Брошюру эту перевелъ на персидскій языкъ преподаватель гебрской школы въ Іездѣ, Худабахшъ Бахрамъ Раисъ, а другой преподаватель, Джаванъ Мердъ, придумалъ для нея персидское названіе: „Гуль дестѣ чаманъ аинэ Зертуштъ“. Эта книжка была введена въ школахъ, но такъ какъ въ ней излагались начала религіи Зороастра въ томъ видѣ, въ которомъ излагаютъ ихъ ученые прописты, то дестуры, живущіе больше преданіемъ объявили эту книжку чуть не ересью.

Въ приведенномъ фирманѣ упоминается такъ наз. „Энджуменъ“. Это учрежденіе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть. До его появленія на свѣтъ, всякаго рода дѣла у гебровъ рѣшались либо дестурами, на мусульманскій манеръ, либо калантаромъ изъ гебровъ, но и тутъ безпристрастія было немного; про разбирательства персидскихъ властей, конечно, и говорить нечего.

Выше я говорилъ, что общество покровительства персид-

скимъ парсамъ поручило это дѣло своимъ агентамъ. Но практика показала всю трудность выполненія этой мысли: агентъ долженъ былъ постоянно разъѣзжать по Персїи, если онъ хотѣлъ дѣйствительно быть полезенъ.

Посему въ 1891 г., по идеѣ агента Кейхосруджи Хана, были основаны и въ Іездѣ и въ Кирманѣ коллегіальныя учрежденія подъ названіемъ: „Энджумень-и-Насеръ-и-Зертуштіанъ“. Энджумень состоитъ для Іезда—изъ 25, а для Кирмана—изъ 12 выборныхъ членовъ, которые разъ въ недѣлю собираются (въ Іездѣ—въ зданіи гебрской школы у воротъ Заду-Маргъ) и разрѣшаютъ безвозмездно, всякаго рода дѣла между гебрами; въ случаѣ же тяжбы или столкновенія гебра съ мусульманиномъ, Энджумень предстательствуетъ передъ правителемъ за гебра.

Іездскій Энджумень имѣетъ при школѣ особую комнату, у входа въ которую имѣется вывѣска съ персидскимъ гербомъ (Левъ и солнце) и надписью вокругъ: „Энджумень-и-Насеръ-и-Зертуштіанъ“. Внутри комнаты висятъ портреты обоихъ Петитовъ, а также іездскаго гебра Кейхосро, одного изъ братьевъ Мехрибановъ, являющихся въ гебрской общинѣ вліятельными лицами. Тутъ же висятъ фотографіи съ картинъ, увѣковѣчивающихъ историческіе моменты, напр., подачу Шаху петиціи агентомъ Манунджи Сахибомъ и т. под.

Въ Кирманѣ Энджумень привился, какъ мнѣ говорили, не вполне удачно, но въ Іездѣ онъ работаетъ вполне удовлетворительно. Конечно, этому учрежденію пришлось бороться и съ враждебными вліяніями. Во-первыхъ, очень недовольны были дестуры и калантары, которые въ прежнее время рѣшали тѣ же дѣла по своему личному усмотрѣнію и за деньги и которые теперь лишились и вліянія и доходовъ. Хотя главный дестуръ Тирандасъ и былъ выбранъ вице-предсѣдателемъ Энджумена, но вскорѣ разсорился съ остальными и вышелъ изъ состава его.

Затѣмъ, ранѣе, дестуры и калантары, при разборѣ дѣлъ, руководились или личнымъ усмотрѣніемъ или фантастическимъ толкованіемъ авестійскихъ текстовъ. Въ Индіи суды руководствуются законами, выработанными при участіи парсовъ, напримѣръ, „the parsee marriage & divorce act—1865“, „the parsee chattels, real act 1837“, „the parsee succession act“ и т. д.

Индійскіе парсы рекомендовали и Энджуменамъ руководиться этими положеніями. Но, какъ я уже говорилъ, авестійскіе тексты понимаются въ Персїи иначе, а положенія, взятые изъ обычнаго права индійскихъ парсовъ, и вовсе не отвѣчаютъ иногда обычаямъ персидскихъ гебровъ. Конечно, рѣзкой разницы нѣтъ

но все же рѣшенія Энджумена, основанныя на практикѣ индійскихъ судовъ, были мало популярны.

При мнѣ было уже замѣтно стремленіе эмансипироваться отъ вліянія индійскихъ персовъ, стремленіе, исходившее отъ новаго предсѣдателя Энджумена—Ардешира Мехрисана (о немъ упоминаетъ Curzon, l. cit. II. 241) и его брата, глубокаго старца, Рустема. Замѣчу тутъ же, что и агентомъ въ Тегеранѣ состоялъ при мнѣ уже не индійскій парсъ, а іездскій житель Деніаръ.

Причины такого сепаратизма указать трудно, но, повидимому, нѣкоторую роль здѣсь играетъ и бабизмъ, который привлекаетъ къ себѣ не мало гебровъ.

По словамъ самихъ гебровъ, съ 1890 года положеніе ихъ въ Іездѣ стало рѣзко улучшаться въ виду того, что всюду за нихъ стали заступаться мусульмане, т. е., вѣрнѣе сказать, бабисты. Если на улицѣ мусульманинъ заступается за обижаемаго гебра, то можно съ увѣренностью сказать, что мусульманинъ этотъ бабистъ. Очень возможно, хотя мнѣ этого и не говорили, что и гебръ—бабистъ.

Я уже упоминалъ выше о томъ вліяніи, которое сыграли престижъ русскаго имени въ дѣлѣ развитія бабизма въ Іездѣ; возможно, что это вліяніе начинаютъ учитывать и гебры. Отмѣчу интересъ, существующій среди гебровъ, какъ Іезда, такъ и Кирмана, къ изученію русскаго языка.

Вообще туземцы больше, чѣмъ европейцы, понимаютъ положеніе дѣла, выраженное д-ромъ Wills'омъ, жившимъ въ Персіи около 14 лѣтъ (см. Curzon, op. cit. II, стр. 623): „наше (т. е. „англійское“) вліяніе въ Персіи, благодаря намъ самимъ, равно „почти нулю. Англія для персовъ—пустая фраза; Россія—сила, „предъ которой надо преклоняться и которой слѣдуетъ бояться, „русскіе подданные пользуются покровительствомъ, англійскіе же „живутъ на свой рискъ и страхъ“.

Число гебровъ въ Іездской провинціи, по переписи 1891 г., равнялось 7.963 чел.; изъ нихъ около 2.000 ч. живутъ въ самомъ гор. Іездѣ, остальные разбросаны по селеніямъ, гдѣ они занимаются почти исключительно хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, шелководствомъ и винодѣліемъ.

Живущіе въ городѣ болѣе богатые гебры занимаются торговлей съ Индіей или, вѣрнѣе сказать, банкирскими операціями: переводомъ денегъ въ Индію, посредничествомъ между іездскими и бомбейскими купцами и т. д.

Вообще сношенія гебровъ съ Индіей довольно значительны, даже среди низшихъ классовъ общины; мнѣ нерѣдко приходи-

лось въ селеніяхъ и на полевыхъ работахъ встрѣчать гебровъ, которые обращались ко мнѣ на гуджератскомъ нарѣчій.

Евреи. Евреевъ числится въ Іездѣ около 2.000 ч.. Живутъ они скученно, бѣдно и грязно, но, однако, не имѣютъ того забитаго, приниженнаго вида, какъ въ Европѣ. Edw. Stack (*Six month in Persia, by Edw. Stack. London. 1882*), бывшій въ Іездѣ въ 1881 г., тоже отмѣчаетъ что евреи, хотя и разговаривали съ нимъ въ интимной обстановкѣ, но на притѣсненія не жаловались. Не видѣлъ я у евреевъ также никакого значка, о которомъ упоминаютъ путешественники (Petermann—въ своихъ *Reisen im Orient. Bd. II*—описываетъ этотъ значекъ, какъ бѣлый кружокъ съ красною каймой, нашитый на груди). Одно только напоминало мнѣ европейскихъ евреевъ, это—способъ выпрашиванія денегъ: когда идешь по улицѣ, видишь сидящаго у стѣнки и усиленно хныкающаго еврея; на вопросъ, что съ нимъ, онъ отвѣчаетъ что у него было туманъ или два и онъ—ихъ потерялъ; и снова начинать хныкать, точно онъ потерялъ цѣлое состояніе. Всѣ прочіе туземцы, даже нищіе, держатъ себя съ гораздо большимъ достоинствомъ. Евреи занимаются почти исключительно пряжею шелковыхъ нитокъ, отчасти изготовленіемъ водки и спирта, а также фабрикаціей грубой бумаги изъ стараго тряпья. Нѣсколько изъ нихъ, побогаче, торгуютъ золотомъ, ввозятъ сырой опиумъ изъ Исфагана и отправляютъ чай въ Тегеранъ.

Еще есть у персидскихъ евреевъ двѣ спеціальности: музыка и пѣніе, которыми они занимаются не какъ артисты, а скорѣе, какъ скоморохи, и затѣмъ—гаданіе и каббалистика. Гаданіе они по книгѣ пророка Даниіла; что касается каббалистики, то не одинъ домъ не обходится безъ талисмана, вродѣ гороскопа, который пишется евреемъ на бумажкѣ и наклеивается на стѣнку. Тутъ же можно упомянуть, что при переходѣ въ новый домъ владѣльцу его гебры подносятъ „пянджа“, родъ пятиугольной сѣтки изъ сѣмянъ клещевины, иногда позолоченной сусальнымъ золотомъ; эта „пянджа“ вѣшается на видномъ мѣстѣ и служитъ талисманомъ — очевидно, это есть пентаграмма, ибо настоящія пентаграммы можно нерѣдко видѣть, начертанными на могилахъ.

Индусовъ въ мое время въ Іездѣ не было.

Администрація. Про систему администраціи въ Персіи писалось много и всѣмъ болѣе или менѣе извѣстна существующая тамъ система откуповъ и, якобы, полный произволъ правителей. Обычно приходится читать, что вновь назначаемый правитель, разъ только

онъ выѣхалъ за ворота Тегерана, является полновластнымъ и почти неотвѣтственнымъ распорядителемъ, судебъ своей провинціи.

За время моего пребыванія въ Іездѣ, наблюдая за дѣятельностью правителей, какъ стараго режима, существовавшаго при Шахъ Нассръ-Эддинѣ, такъ и правителей новаго режима (такъ наз. „тавризскихъ людей“), я могъ, однако, убѣдиться что самовластіе правителя является, въ сущности, довольно таки ограниченнымъ. Конечно, я не берусь обобщать того, что я видѣлъ, и ниже описанное отношу только Іездской провинціи: позволю себѣ сдѣлать только одну оговорку: вообще у азіатовъ (туркменъ, персовъ, китайцевъ) я замѣчалъ одну общую черту — склонность къ законности и рѣзкій протестъ противъ произвола; перенося, напр., безропотно побои своего хозяина, они сами не даютъ себя въ обиду, если полѣзеть съ ними въ драку посторонній; свои права, хотя нигдѣ не писанныя, азіаты строго соблюдаютъ и оберегаютъ.

Поэтому, какъ ни произвольны, на европейскій взглядъ, дѣйствія персидской администраціи, но и тутъ ея произволу есть предѣлы и правителю приходится считаться съ очень и очень многими условіями. Во первыхъ, правитель уже потому не можетъ считаться полновластнымъ хозяиномъ, что при судебныхъ разбирательствахъ играютъ большую роль муллы, ибо наказаніе назначается по шаріату. Не только смертная казнь, но и рѣзаніе рукъ и ногъ производится только по постановленію муллы. Самъ правитель своею властью можетъ рѣзать только пальцы и уши, затѣмъ бить по пяткамъ, сажать въ тюрьму и штрафовать.

Всякое превышеніе власти со стороны правителя въ этомъ отношеніи вызываетъ не только протестъ муллы, въ сферу компетенціи которыхъ вторгается правитель, но и протестъ со стороны населенія. Однажды, правитель Адль-удъ-Доуле, одинъ изъ „тавризскихъ людей“, вздумавшій распоряжаться безконтрольно, велѣлъ зарѣзать кого-то безъ суда и безъ постановленія муллы (ваджибъ-улькатль): трупъ казеннаго затѣмъ, обычно, передается на поруганіе евреямъ, которые выволакиваютъ трупъ за городъ. На этотъ разъ евреи отказались отъ исполненія этой своей обязанности, подъ предлогомъ того, что у нихъ суббота (раньше таскали и по субботамъ) и правитель, лишенный въ этомъ вопросѣ поддержки муллы, ничего не могъ съ ними подѣлать, хотя и находился въ этотъ моментъ на вершинѣ своего самовластія.

Затѣмъ правителю приходится считаться съ мѣстными магнатами. Подати и налоги въ Персіи составляютъ, главнымъ

образомъ, изъ земельныхъ доходовъ; только на второмъ планѣ стоитъ таможня и, наконецъ, послѣднею является мелкая и торговая и промышленность. По мѣстнымъ условіямъ, мелкихъ землевладѣльцевъ мало, а земля, какъ и оптовая торговля, находится въ рукахъ сравнительно небольшого числа крупныхъ собственниковъ.

И эти лица, оберегая свои права, составляютъ при правителѣ нѣчто вродѣ добровольнаго совѣта. Въ часы, когда правитель производитъ судъ и расправу, а также дѣлаетъ распоряженія, въ его залѣ можно видѣть цѣлый рядъ вліятельныхъ лицъ, которые не только наблюдаютъ за административной дѣятельностью правителя, но даже подаютъ ему совѣты и вмѣшиваются въ его распоряженія. Основаніемъ къ совѣтамъ и вмѣшательству служить то, что они, какъ мѣстные жители, лучше правителя могутъ знать провинцію и ея жителей.

Хотя они держатъ себя вполне корректно, но тому правителю, которой не захочетъ считаться съ ихъ имѣніемъ, приходится плохо.

Конечно, ведется подпольная, глухая борьба, но зато очень страстная.

Всѣмъ извѣстны „хлѣбные бунты“ въ Персіи. Мнѣ пришлось видѣть въ Іездѣ и закулисную сторону подобного бунта. Іездъ имѣетъ своего хлѣба очень мало—его хватаетъ только на три мѣсяца; приходится подвозить его изъ Исфагана, Фарса, и др. мѣстъ. Оптовая хлѣбная торговля находится въ рукахъ крупныхъ таджировъ, которые благодаря какъ этому, такъ и своему вліянію въ торговомъ мірѣ вообще, всегда могутъ остановить подвозъ хлѣба и кромѣ того, пустить по базару извѣстіе; что на подвозъ и надѣются нечего. Этого достаточно, чтобы вспыхнулъ „хлѣбный бунтъ“. При мнѣ правитель Адль-удъ-Доуле, дравшій съ живаго и съ мертваго, вздумалъ обложить ввозимый хлѣбъ сборомъ по нѣскольку шай съ мѣшка, конечно, въ свою пользу. Купцы на это не соглашались.

Но правитель, будучи изъ „тавризскихъ людей“, не обратилъ на это вниманіе и распорядился взимать этотъ сборъ въ таможняхъ.

Среди купцовъ поднялась буря—попавши однажды къ нашему агенту безъ предупрежденія, я едва узналъ степенныхъ и выдержанныхъ таджировъ: такъ они волновались, шумѣли и кричали. Въ результатъ, подвозъ зерна прекратился. А такъ какъ, правитель своевременно не озаботился, чтобы хлѣбъ подвозился другими купцами, то городу стала грозить опасность остаться

безъ хлѣба. Правда, правитель посылать всадниковъ ловить по окрестностямъ хлѣбные караваны, шедшіе на Іездъ, но, по приказанію хозяевъ, остановившіеся въ селеніяхъ; приказывалъ держать на площадяхъ на виду у всѣхъ цѣлые мѣшки зерна (хотя уже запроданнаго), чтобы опровергнуть „слѣхи“ о недостаткѣ хлѣба: но все это не вело ни къ чему, потому что нехватка хлѣба сразу подняла цѣну на пятый хлѣбъ и цѣлыя толпы народу, особенно женщинъ, вошли на площадяхъ и базарахъ, что они умрутъ съ голоду. Полетѣли телеграммы и въ Тегеранъ. Если этотъ кризисъ окончился благополучно, то только потому, что правитель былъ вызванъ въ Тегеранъ „для дачи объясненій“ по многимъ поступившимъ на него жалобамъ.

Другой разъ, исчезли изъ Іезды всѣ выючныя животныя. Оказалось, что правитель вздумалъ собирать реквизиціоннымъ путемъ караваны для какой-то экспедиціи. Конечно, караваны шли, но они обходили Іездъ и сгружали свои выюки по почамъ въ окрестныхъ селеніяхъ, а сами исчезали.

Тактичнымъ долженъ быть правитель и съ подчиненными ему лицами администраціи, ибо и они съумѣютъ вставить ему палки въ колеса.

Тотъ-же правитель Адль-удъ-Доуле, распоряжавшійся безконтрольно, не спрашивавшій и не признававшій ничьихъ совѣтовъ, съумѣлъ возстановить противъ себя и мустоуфи, который самостоятельно собиралъ подати и представлялъ ихъ, помимо, правителя, прямо въ Тегеранъ.

Мостоуфи, который имѣетъ выплачивать правителю изъ полученныхъ податей 12.000 тумановъ, въ качествѣ жалованья, воспользовался тѣмъ, что правитель драгъ съ живаго и съ мертваго, и донесъ въ Тегеранъ, что правителю достаточно, въ виду его крупныхъ побочныхъ доходовъ, платить только 4000 тумановъ. Тамъ, конечно, были довольны такой экономіей, да еще въ виду слуховъ о крупныхъ доходахъ правителя, прислали ему въ совершенно неурочное время, „хельать“, за который правитель долженъ былъ отплатить солидной суммой.

Правителя Адль-удъ-Доуле убрать было, положимъ, довольно легко, потому что онъ, хотя и былъ человѣкъ крутаго нрава, но въ тоже время былъ, какъ большинство „тавризскихъ людей“, необразованъ, невоспитанъ и безтактенъ, такъ что съумѣлъ возстановить всѣхъ.

Но іезди справились даже съ правителемъ совсѣмъ иного типа, именно, съ Джелаль-удъ-Доуле, сыномъ Зилли Султана. Это былъ умный, воспитанный, богатый (какъ говорили, онъ

имѣлъ своихъ личныхъ доходовъ до 70.000 тумановъ въ годъ), съ вліяніемъ въ Тегеранѣ, съ поддержкой своего отца Зилли-Султана. Въ первый свой пріѣздъ онъ велъ себя гордо, неприступно и даже рѣзко. Но, когда онъ былъ назначенъ правителемъ въ Іездъ второй разъ, то онъ счелъ своимъ долгомъ радикально измѣнить свое обращеніе и только отъ этого выигралъ, какъ въ популярности, такъ и въ успѣшности управленія.

Луті. Баумгартенъ (I. с. 139—140) къ администраціи относитъ и луті. Насколько лишь приходилось наблюдать этихъ лицъ, мнѣ кажется, что характеристика, данная „луті“ Баумгартеномъ, не вполне правильна. Луті не представляютъ изъ себя чего-то самостоятельнаго, какой-то таинственной шайки. Ихъ существованіе обуславливается мѣстными порядками.

Персидскіе правители, какъ извѣстно, склонны къ самовластію и произволу и въ ихъ рукахъ имѣются вооруженныя силы—сар-базы и ферраши.

Мѣстные магнаты или, какъ говорится въ Персіи, „бузурганы“, желая обезопасить себя отъ насилій правителя, заводятъ себѣ вооруженную свиту, состоящую изъ упомянутыхъ „луті“. Но разбойниками и головорѣзами ихъ всетаки еще считать нельзя.

Только ихъ предводитель, главный луті, бываетъ, обыкновенно, человѣкомъ „съ прошлымъ“, которому полный расчетъ стать подъ протекцію вліятельнаго человѣка, чтобы избѣжать преслѣдованій за старые грѣхи; напомнимъ, что легендарный кавказскій разбойникъ Абдуль-Керимъ, бѣжавшій въ Персію, былъ начальникомъ свиты у Аминъ-усъ-Султана, бывшаго Садръ Азама.

Въ Іездѣ такихъ главныхъ луті было четверо: Сеидъ Риза, бывшій настояшій разбойникъ, Риза Хаджи Хусейнъ, попавшій на эту дорогу послѣ убійства, совершеннаго имъ по обычаю кровной мести, затѣмъ Сеидъ Мохаммедъ Абшей и Сеидъ Ча-Абру оба люди довольно безцвѣтные. Прочіе же набираются просто среди населенія, причемъ главнымъ поставщикомъ луті считается селеніе Тафтъ, къ югу отъ Іезда. Надо отмѣтить, что послѣ роспуска такой свиты, можно видѣть на базарѣ бывшихъ луті, мирно занимающихся работой или торговлей, причемъ ихъ никто не трогаетъ. Объясняется это именно тѣмъ положеніемъ, которое луті занимаютъ при томъ или другомъ „бузурганѣ“, они его слуги, его свита, исполнители его воли. Соотношеніе бузургана и луті вполне опредѣляется персидской пословицей: „самъ съѣлъ молоко, а остатками вымазалъ морду кошкѣ“. Конечно, въ насиліяхъ и убійствахъ оказываются виноваты луті, но они остаются безнаказанными,

ибо за спиной у нихъ стоитъ бузурганъ. Убійца обыкновенно долженъ бѣжать, главнымъ образомъ отъ кровной мести со стороны родственниковъ, и тутъ его патронъ оказываетъ ему всевозможное содѣйствіе, укрываетъ его, снабжаетъ лошадьми, деньгами и т. д. — Что луті есть только исполнительный органъ бузургановъ, показываетъ еще такой случай: въ Тафтѣ какой-то луті убилъ человѣка; подозрѣніе пало на луті изъ свиты мустоуфи и послѣдній немедленно распустилъ всю свою прислугу, чтобы показать, что онъ къ этому убійству непричастенъ.

Конечно, правительство борется противъ луті, т. е. вѣрнѣе, противъ бузургановъ, окружающихъ себя вооруженной силой, равно какъ каждый правитель издаетъ воспрещеніе носить оружіе въ чертѣ города. Но лишь отъ энергіи и тактичности правителя зависитъ водвореніе порядка: при строгомъ, но справедливомъ правителѣ цѣны на оружіе падаютъ и луті стушевываются; при слабомъ или же при тиранническомъ правителѣ оружіе подымается въ цѣнѣ и бузурганы окружаютъ себя крупной вооруженной свитой.

Хотя луті, состоя на службѣ у бузургановъ и третируются правительствомъ, какъ разбойники, но это не мѣшаетъ имъ поступать также и на правительственную службу.

Ихъ охотно принимаютъ, когда требуется собирать подати въ отдаленныхъ и вольнолюбивыхъ селеніяхъ. Разъ они предлагаютъ свои услуги правителю, то на прошлое луті, конечно, смотрится сквозь пальцы. Напр. Сеидъ-Риза, завѣдомый разбойникъ, получилъ въ Іездской провинціи должность калантара и по его собственнику признаю, дѣлалъ гораздо лучшія дѣла, чѣмъ въ бытность разбойникомъ, ибо за 2—3 мѣсяца калантарства онъ успѣлъ набрать въ свою пользу болѣе 8.000 тумановъ.

Словомъ, хотя въ сущности луті и вербуются изъ головорбзовъ, но они не являются въ городахъ чѣмъ либо самостоятельнымъ, а просто, какъ кондотьеры, служатъ, всякому—и частнымъ лицамъ и правительству и дѣянія ихъ вѣрнѣе всего ставить въ счетъ ихъ патронамъ, а не имъ самимъ.

Говоря о луті, надо сказать два слова и объ официальныхъ защитникахъ отечества. Въ Іездѣ весь гарнизонъ состоитъ изъ 150 сарбазовъ при 3—4 бронзовыхъ полевыхъ орудіяхъ, заряжающихся съ дула.

Хотя одѣты они чище, чѣмъ въ другихъ городахъ, но оружіе (винтовки системы Верндля, по мѣстному произношенію „Верендиль“) содержится очень грязно (положимъ и у луті всѣ ихъ многочисленныя револьверы были давно не чищены).

Какъ боевая сила, сарбазы эти едва-ли куда годятся, а служатъ только для занятія карауловъ: у дома правителя, у телеграфной станціи, у даругъ-хане на площ. Мейдана Ханъ, въ Іездскомъ отдѣленіи Шахиншахскаго Банка и въ домѣ управляющаго этимъ Банкомъ—всюду по 4—5 чел.

Подати и налоги. — По китабчи Іездская провинція платитъ основнаго капитала—„малліатъ“—185.000 тумановъ, изъ которыхъ на долю таможенныхъ сборовъ приходилось 24.000 тум., на мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ „Касибъ“—12.000 тум., а все остальное—на селенія и воду.

Такъ какъ эти цифры были установлены лѣтъ 40 тому назадъ, то ввиду роста доходности провинціи, стали взимать больше; этотъ дополнительный сборъ—„ферръ“ — колеблется отъ 60⁰/₀ основнаго малліата (при правителѣ Джелальудъ-Доуле) до 45⁰/₀ (при правителѣ Икбаль-уль-Мулькѣ—въ 1898 г.). Надо отмѣтить, что общій размѣръ дополнительнаго сбора устанавливается въ Тегеранѣ, при назначеніи новаго правителя, но фактически, по отдѣльнымъ статьямъ, дополнительный сборъ взимается въ зависимости отъ ихъ доходности. Напр., съ селеній берутъ теперь на 90⁰/₀ больше, чѣмъ обозначено въ китабчи; но городскіе лавочники и ремесленники платятъ едва развѣ на 25⁰/₀ больше прежняго. Таможня съ появленіемъ въ Іездѣ европейскихъ фирмъ — Zeigler'a въ 1891 г. и Hotz'a въ 1893 г., стала сдаваться въ аренду за 40.000 тумановъ и даже больше, ибо доходы ея растутъ. Въ 1898 г. таможня была сдана за 42.000 тум., но выручила свыше 50.000 тум.; въ 1899 г. ее сдали уже за 45.000 тум., причемъ арендаторъ внесъ еще пешкенъ въ 3.000 тум.

Всѣ подати вносятся исключительно деньгами; раньше Іездъ обязанъ былъ представлять, въ счетъ малліата, шелковыхъ издѣлій на извѣстную сумму для шахскаго эндеруна. Но при Шахѣ Музафферѣ Эддинѣ это было отмѣнено.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о таможенныхъ тарифахъ: особая, установленная для каждаго отдѣльнаго товара, пошлина взимается только съ предметовъ оптовой торговли. Съ прочихъ же товаровъ берутъ или съ выюка или же 2¹/₂ ⁰/₀ стоимости (съ европейскихъ товаровъ 5⁰/₀ ad valorem).

При ввозѣ взимали въ мое время:

Съ опиума (ширѣ)—3 крана съ шахск. менъ.

Съ чая (ящикъ до 7 менъ)—3 крана.

„ „ (ящикъ до 11 менъ)—4 крана.

„ „ (ящикъ до 15 менъ)—6 кранъ.

Съ мануфактуры 6 шай за кусокъ,

Съ хлопка—за мѣшокъ— $2\frac{1}{2}$ кр. (раньше $1\frac{1}{2}$ кр.).

Съ остальныхъ товаровъ— $2\frac{1}{2}$ 0/0 стоимость.

При вывозѣ взимали:

Съ ящика опиума (въ 11 менъ)—10—12 кранъ.

Съ каждаго вьюка остальныхъ товаровъ—4 шая.

Почта и телеграфъ. — Іездъ, лежащій въ центрѣ Персіи, соединенъ со всѣми провинціями караванными путями, идущими по всѣмъ радіусамъ. Но про телеграфъ и почту этого сказать нельзя. Телеграфная линія (персидская) идетъ отъ Іезда на Кирманъ и оттуда на Джаскъ; съ другой стороны телеграфъ идетъ на Кашанъ и Тегеранъ, отдавая въ Наинъ вѣтку на Исфганъ. Другихъ сообщеній нѣтъ. Телеграммы въ Хоросанъ и его города идетъ черезъ Тегеранъ, а въ Бендеръ Аббасъ телеграммы доставляются почтовымъ пароходомъ или изъ Джаска или же изъ Бушира.

Такъ какъ эта линія персидская, а не индо-европейскаго телеграфа, то съ одной стороны, она часто портится, съ другой—телеграфной тайны не существуетъ.

Почта, хотя и ходитъ разъ недѣлю, но тоже аккуратностью не отличается, тѣмъ болѣе, что она пользуется самыми разнообразными способами передвиженія: смѣнными (чапарскими) лошадьми, безсмѣнными катырами (мулами) и ишаками и, наконецъ, пѣшеходами—„касыдъами“. Въ результатъ, время, необходимое для доставки почты въ разные города, далеко не соотвѣтствуетъ разстояніямъ.

При мнѣ почтовое сообщеніе (болѣе или менѣе регулярное) было таково: Іездъ-Тегеранъ—чапаръ—6—7 дней. Іездъ-Исфганъ: до Абадѣ пѣшій касыдъ—3 дня и отъ Абадѣ до Исфгана—чапаръ 4 дня—всего 7 дней. Іездъ-Буширъ: до Абадѣ—касыдъ—3 дня отъ Абадѣ до Шираза—чапаръ—3 дня; отъ Шираза до Бушира—касыдъ на катырѣ 4 дня. Іездъ-Бендеръ-Аббасъ: до Рефсиджана—чапаръ—2 дня; отъ Рефсиджана—до Б.-Аббаса—касыдъ на катырѣ—12 дней. Іездъ-Кирманъ—чапаръ—4 дня. Іездъ-Мешедъ—пѣшій касыдъ—16—20 дней.

Въ результатъ, въ отношеніи почты и телеграфа, Іездъ является, въ сущности, отрѣзаннымъ отъ Хоросана, ибо какъ телеграфныя, такъ и чапарскія линіи ведутъ въ Хоросанъ черезъ Тегеранъ.